

Мартин Бубер

Я и Ты

В переводе Н. Файнгольда

Источник перевода текста М. Бубера: Альманах "Квинтэссенция" под ред. В.И. Мудрагея. М., 1992

Источник послесловия М. Бубера: Книга «Два образа веры» М.: Республика, 1995

Источник приложения - неизвестен

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

Мир для человека двойствен в соответствии с двойственностью его позиции. Позиция человека двойственна в соответствии с двойственностью основных слов, которые он может произносить. Основные слова суть не единичные слова, а словесные пары.

Одно основное слово - это пара Я-Ты. Другое основное слово - пара Я-ОНО; причем можно, не меняя этого основного слова, заменить в нем Оно на Он или Она.

Тем самым Я человека также двойственно.

Потому что Я основного слова Я-Ты другое, чем Я основного слова Я-ОНО.

* * *

Основные слова не обозначают нечто существующее вне их, но, будучи произнесены, они порождают существование.

Основные слова произносят своим существом.

Если сказано Ты, то вместе с этим сказано Я пары Я-Ты.

Если сказано Оно, то вместе с этим сказано Я пары Я-ОНО.

Основное слово Я-Ты можно сказать только всем своим существом.

Основное слово Я-ОНО никогда нельзя сказать всем существом.

* * *

Не существует Я самого по себе, а только Я основного слова Я-Ты и Я основного слова Я-ОНО.

Когда человек говорит Я, он имеет в виду одно из этих двух. То Я, которое он имеет в виду, присутствует, когда он говорит Я. И когда он говорит Ты или Оно, снова присутствует Я одного или другого основного слова.

Быть Я и произносить Я суть одно. Произносить Я и произносить одно из основных слов суть одно.

Кто произносит основное слово, тот входит в слово и пребывает в нем.

* * *

Жизнь человеческого существа протекает не только в мире переходных глаголов. Она не сводится целиком к деятельности, имеющей Нечто своим объектом.

Я воспринимаю нечто. Я ощущаю нечто. Я представляю себе нечто. Я желаю чего-то. Я чувствую нечто. Я мыслю нечто. Жизнь человеческого существа не сводится ко всему этому и ему подобному.

На всем этом и подобно этому основывается царство Оно.

Царство Ты имеет другую основу.

* * *

Кто произносит ты, не имеет никакого Нечто в качестве объекта. Ибо где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другими Оно; Оно существует лишь посредством того, что граничит с другими Оно. Там же, где произносится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично.

Кто произносит Ты, не имеет никакого "нечто", не имеет ничего. Но он вступает в отношение.

* * *

Говорят, что человек познает мир. Что это значит? Человек обследует поверхность вещей и знакомится с ними. Он добывает сведения об их структуре; он приобретает знания. Он узнает то, что присуще вещам.

Но не только знания открывают человеку мир.
Ибо они открывают ему лишь тот мир, который состоит из Оно и Оно и Оно, из Он и Он и Он и Она и Она и Оно.

Я познаю Нечто.

Тут ничего не изменится, если к "внешним" присоединить "внутренние" знания - деление преходящее, продиктованное жаждой рода человеческого притупить жало таинства смерти. Внутренние вещи - как внешние вещи, вещи среди вещей!

Я познаю Нечто.

Тут ничего не изменится, если к "очевидным" присоединить "тайные" знания - в той самоуверенной мудрости, которая знает о вещах сокровенное, предназначенное для посвященных - обладателей ключа. О таинственность без тайны, о нагромождение сведений! Оно, Оно, Оно!

* * *

Познавая, человек остается непричастен миру. Потому что знания локализируются "в нем", а не между ним и миром.

Мир не сопричастен процессу познания. Он позволяет изучать себя, но ему нет до этого дела, ибо он никак этому не способствует, и с ним ничего не происходит.

* * *

Как опыт мир принадлежит основному слову Я-ОНО. Основное слово Я-ТЫ утверждает мир отношений.

* * *

Есть три таких сферы, в которых возникает мир отношений.

Первая: жизнь с природой. Здесь отношение - доречевое, пульсирующее во тьме. Создания отвечают нам встречным движением, но они не в состоянии нас достичь, и наше Ты, обращенное к ним, замирает на пороге языка.

Вторая: жизнь с людьми. Здесь отношение очевидно и принимает речевую форму. Мы можем давать и принимать Ты.

Третья: жизнь с духовными сущностями. Здесь отношение окутано облаком, но раскрывает себя - безмолвно, но порождает речь. Мы не слышим никакого "Ты", и все же чувствуем зов, и мы отвечаем - творя образы, думая, действуя; мы говорим основное слово своим существом, не в силах вымолвить Ты своими устами.

Но что же дает нам право приобщать к миру основного слова то, что лежит за пределами речи?

В каждой сфере, через все, обретающее для нас реальность Настоящего, видим мы кромку вечного Ты, в каждом улавливаем мы Его веяние, говоря с каждым Ты, мы говорим с вечным Ты.

* * *

Я рассматриваю дерево. я могу воспринимать его как зрительный образ: колонна, вздымающаяся в шквале света, или зеленый взрыв, пронизанный кроткой серебристой голубиной.

Я могу ощущать его как движение: соки, бегущие по сосудам, льнущая и жаждущая сердцевина, сосущие корни, дыханье листьев, непрерывный обмен с землей и воздухом - и сам неуловимый рост дерева.

Я могу рассматривать его как экземпляр некоторого вида, в соответствии с его строением и образом жизни.

Я могу до такой степени отвлечься от его формы и от его состояния в настоящий момент, что буду осознавать его лишь как выражение закономерностей - закона, по которому непрерывно уравнивается постоянное противоборство сил, и закона, по которому смешиваются и разъединяются вещества.

Я могу свести его к числу, к чисто числовой зависимости, тем самым и уничтожив, и увековечив его.

Во всем этом дерево остается лишь моим объектом, имеет свое место и свое время, свою природу и свое строение.

Но может случиться - для этого нужны и воля, и благодать, - что, рассматривая дерево, я буду вовлечен в отношение к нему. Тогда это дерево - уже больше не Оно. Власть исключительности захватила меня.

При этом мне нет нужды отказываться ни от какого из способов, которыми я рассматривал дерево. Чтобы видеть, мне не требуется закрывать глаза на что-либо. Нет никакого знания, которое мне следовало бы забыть. Напротив того, все: образ и движение, вид и экземпляр, закон и число - все нераздельно объединяется здесь.

Здесь все, что присуще дереву, его форма и его механика, его краски и его химия, его беседа с элементами и его беседа со светилами - и все это в единстве целого.

Дерево - не впечатление, не игра моей фантазии, не источник настроения - оно телесно противостоит мне и имеет со мной дело, как я с ним, - только по-другому.

Не пытайтесь выхолостить смысл отношения: отношение есть взаимность.

Так что же - оно, дерево, имеет сознание, подобное нашему? Этого я не знаю. Но не пытаетесь ли вы снова думая, что это вам удастся, - разложить на части неделимое? Мне противостоит не душа дерева и не дриада, а само дерево.

* * *

Если я обращен к человеку, как к своему Ты, если я говорю ему основное слово Я-Ты, то он не вещь среди вещей и не состоит из вещей.

Он уже не есть Он или Она, отграниченный от других Он и Она; он не есть точка, отнесенная к пространственно-временной сетке мира, и не структура, которую можно изучить и описать - непрочное объединение обозначенных словами свойств. Нет, лишенный всяких соседств и соединительных нитей, он есть Ты и заполняет собою небосвод. Не то чтобы не было ничего другого, кроме него, но все другое живет в его свете.

Как мелодия не есть совокупность звуков, стихотворение - совокупность слов и статуя - совокупность линий; но надо раздирать на куски, чтобы из единого сделать множественное, - так и с человеком, которому я говорю Ты. Я могу извлечь из него цвет его волос, или окраску его речи, или оттенок его доброты, - мне придется делать это вновь и вновь; но вот я сделал это - и он уже больше не Ты.

И как молитва не совершается во времени, но время течет в молитве, жертвоприношение не совершается в пространстве, но пространство пребывает в жертве - а кто обращает отношение, тот уничтожает реальность, - так и я нахожу человека, которому говорю Ты, в каком-либо однажды и где-то. Я могу соотнести его с временем и местом - и мне придется делать это вновь и вновь, - но уже не с моим Ты, а с некоторым Он или Она.

Пока распростерт надо мной небосвод Ты, ветры причинности сворачиваются клубком у моих ног, и колесо судьбы останавливается.

Человека, которому я говорю Ты, я не познаю. Но я нахожусь в отношении к нему, в святом основном слове. И, только выйдя из этого отношения, я буду снова познавать его. Знание есть отдаление Ты.

Отношение может существовать и в том случае, если человек, которому я говорю Ты, не слышит этого, поглощенный познанием. Ибо Ты больше, чем знает Оно. Ты совершает больше и претерпевает больше, чем знает Оно. Сюда не проникает никакая ложь: здесь - колыбель Подлинной Жизни.

* * *

Вот вечный источник искусства: к человеку подступает образ и хочет через него воплотиться, сделаться произведением. Не порождение его души, но видение, подступающее к ней и требующее от нее творческого воздействия. Оно ждет от человека сущностного акта: совершит он его, скажет своим существом основное слово явившемуся образу - и хлынет творящая сила, и родится произведение.

Жертва и риск заключены в этом акте. Жертва: бесконечность возможностей, приносимых на алтарь образа; все, что в этот миг пронесется, играя, через поле зрения, нужно полностью отбросить, ничто из этого не должно проникнуть в произведение; так велика исключительность предстоящего передо мной. Риск: основное слово может быть сказано лишь всем существом; кто отдает себя этому, не смеет ничего утаить; творение не потерпит (как дерево или человек), чтобы я ускользнул отдохнуть в мире Оно; творение властвует надо мной, и если я не служу ему как должно, оно разрушается - или разрушает меня.

Образ, который выступает мне навстречу, я не могу ни познавать, ни описывать; только воплотить могу я его. И все же я вижу его, сверкающий в лучах предстоящего передо мной, яснее всей ясности познанного мира. Не как вещь среди "внутренних" вещей, не как "плод воображения", но как Настоящее. Если проверить предметность образа, окажется, что "здесь" его вовсе нет; но чье присутствие в настоящем может быть подлиннее? И отношение, в котором я нахожусь к нему, - истинное отношение: он действует на меня и я действую на него.

Создавать - значит черпать, изобретать - значит обретать, выражать - значит обнаруживать. Воплощая, я раскрываю. Я перевожу образ в мир Оно. Созданное произведение есть вещь среди вещей, которую можно познавать и описывать как сумму свойств. Но время от времени оно может предстать перед восприимчивым зрителем, являя ему всю полноту воплощенного в нем образа.

* * *

- Что же узнают о Ты?
- Да ничего. Ибо его не изучают.
- Что же знают о Ты?
- Только все. Потому что никаких частных о нем больше не знают.

* * *

Ты встречает меня через благодать - его нельзя обрести в поиске. Но когда я говорю ему основное слово, это есть акт моей сущности, акт, которым осуществляется мое бытие.

Ты встречает меня. Но я вступаю в непосредственное отношение с ним. Следовательно, отношение - это значит одновременно быть избранным и избрать, оно одновременно страдательно и активно. Ведь сущностный акт связан с прекращением всех частных действий, а значит, и всех - лишь их ограниченностью обусловленных ощущений действия и потому неизбежно имеет оттенок страдательности.

Основное слово Я-Ты может быть сказано лишь всем существом. Сосредоточение и слияние воедино всего существа не может осуществиться ни через меня, ни помимо меня. Я становлюсь собой лишь через мое отношение к Ты; становясь Я, я говорю Ты.

Всякая подлинная жизнь есть встреча.

* * *

Отношение к ты непосредственно. Никакая абстракция, никакое знание и никакая фантазия не стоят между Я и Ты. Сама память преобразуется, устремляясь от частных к полноте целого. Никакая цель, никакое вожелание и никакое предчувствие не стоят между Я и Ты. Само желание преобразуется, устремляясь из своей мечты в явленность. Всякое средство есть препятствие. Лишь там, где все средства рассыпались в прах, происходит встреча.

* * *

Перед лицом непосредственности отношения все опосредствованное теряет свое значение. Неважно также, превратилось ли уже мое Ты в Оно для других Я ("объект всеобщего опыта") или только может - через самосвершение моего сущностного акта - стать им. Ибо подлинная граница, разумеется зыбкая и колеблющаяся, проходит не между знанием и незнанием, не между данным и не данным, не между миром бытия и миром ценностей - нет, пересекая эти области, она проходит между Ты и Оно: между Настоящим и объектом.

* * *

Настоящее - не та точка, которая лишь обозначает отмечаемое каждый раз в мыслях окончание "протекшего" времени, видимость зафиксированного конца, а подлинное, наполненное настоящее - существует лишь тогда, когда осуществляется присутствие, встреча, отношение. Только через присутствие Ты возникает настоящее.

Я основного слова Я-ОНО, т. е. Я, к которому не обращено никакое Ты, но которое окружено множеством "содержаний", вовсе не имеет настоящего - только прошедшее. Другими словами: поскольку человек удовлетворен вещами, которые он познает и использует, постольку он живет в прошлом, и его мгновение лишено присутствия. У него нет ничего, кроме объектов; но объекты принадлежат прошедшему.

Настоящее не мимолетно, не преходяще: оно присутствует и длится. Объект же не есть длительность, он есть застой и прекращение, оцепенелость и оторванность, отсутствие отношения и бытия в настоящем.

Сущности переживаются в настоящем, объектности в прошедшем времени.

* * *

Эта фундаментальная двойственность не снимается обращением к "миру идей", как к чему-то третьему, стоящему над противопоставлением. Ибо я говорю не о чем ином, как о реальном человеке, о тебе и обо мне, о нашей жизни и о нашем мире, а не о Я вообще и не о бытии вообще. А для реального человека подлинная граница пересекает и мир идей.

Конечно, многие из тех, кто в мире вещей довольствуется их познанием и использованием, соорудили себе из идей пристройку (или надстройку), где они находят убежище и успокоение от надвигающейся на них пустоты. На пороге убежища такой человек сбрасывает одежды заурядной повседневности, облачается в чистый

лен и наслаждается созерцанием первичного бытия или необходимого бытия, к которому его жизнь совершенно непричастна. Впрочем, пропагандирование подобного отношения к миру может приносить ему пользу.

Но человечество как Оно, воображаемое, постулируемое и пропагандируемое таким человеком, не имеет ничего общего с тем живым человечеством, которому человек говорит Ты. Самый благородный вымысел есть фетиш, самое возвышенное, но надуманное чувство греховно. Идеи столь же мало витают над нашими головами, как и обитают в них: они бродят среди нас и подступают к нам; достоин сожаления тот, кто оставляет произнесенным основное слово; но презрения заслуживает тот, кто, обращаясь к этим идеям, произносит вместо него понятие или пароль, как будто это их имя!

* * *

Что непосредственное отношение включает в себя воздействие на противостоящее мне, в одном из трех примеров, очевидно: сущностный акт искусства определяет процесс, в котором образ становится произведением. Предстоящее передо мной воплощается через встречу, через нее оно входит в мир вещей, чтобы стать там нескончаемо действенным, вновь и вновь становиться Оно, но вновь и вновь опять становиться Ты, одаряя счастьем и вдохновением. Оно "воплощено"; его плоть выходит из потока непространственного и невременного настоящего на берег объективного существования.

Не столь ясно, в чем состоит воздействие в отношении с Ты-человеком. Сущностный акт, который утверждает здесь непосредственность, обычно рассматривают как чувство и потому неверно понимают. Чувства сопровождают метафизический и метапсихический факт любви, но не составляют его; и эти сопровождающие чувства могут быть самыми разными. Чувство Иисуса к бесноватому отличается от его чувства к любимому ученику; но любовь - одна[1]. Чувства "испытывают", любовь случается. Чувства обитают в человеке, человек же обитает в своей любви. Это не метафора, а действительность: любовь не прилепляется к Я так, чтобы Ты было для нее лишь "содержанием", лишь объектом; она возникает между Я и Ты. Кто не знает этого, не знает самим существом своим, - не знает любви, хотя он и может принимать за нее те чувства, которые он испытывает, которыми наслаждается и которые выражает. Любовь охватывает своим воздействием весь мир. Кто пребывает в ней и смотрит сквозь нее, для того люди освобождаются от пут своей суеты; хорошие и дурные, мудрые и глупые, прекрасные и безобразные, один за другим приобретают они реальность и становятся для него Ты, т. е. освобожденным, выделенным, единственным и противостоящим; чудесным образом возникает время от времени исключительность - и вот он может действовать, может помогать, исцелять, воспитывать, возвышать, спасать. Любовь есть ответственность Я за Ты: здесь есть то, что невозможно ни в каком чувстве - равенство всех любящих, от самого малого до величайшего, и от того хранимого благословением человека, чья жизнь замыкается в жизни единственного любимого существа, до того, кто всю жизнь пригвожден к кресту мира, у кого достало сил и отваги для непомерного - любить всех людей.

Пусть останется в тайне смысл воздействия в третьем примере - созерцаемой нами твари. Верь в простую магию жизни, в служение во Вселенной - и тебе откроется смысл этого ожидания, этого выглядывания, этой "вытянутости шеи" тварей. Всякое слово искажает - но взгляни: вокруг тебя живут существа, и к какому бы из них ты ни приблизился, ты всегда прикоснешься к сущности.

* * *

Отношение есть взаимность. Мое Ты воздействует на меня, как я воздействую на него. Наши ученики воспитывают нас, наши произведения создают нас. "Дурной" человек, если его коснулось святое основное слово, превращается в дарующего откровение. Как воспитывают нас дети, как воспитывают животные! Мы живем, непостижимым образом включенные в поток вселенской взаимности.

* * *

Ты говоришь о любви, как если бы это было единственное отношение между людьми; но, по правде говоря, можешь ли ты даже сослаться на нее как на пример, если на свете есть еще и ненависть?

Пока любовь "слепа", т. е. пока она не видит существа, на которое направлена, в его целостности, она еще не принадлежит по-настоящему основному слову отношения. Ненависть по природе своей слепа; лишь часть существа можно ненавидеть. Кто видит существо в целом и вынужден его отвергнуть, тот уже не в царстве ненависти, а во власти человеческого несовершенства, ограничивающего способность говорить Ты. Он не способен сказать предстоящему перед ним другому человеку основное слово, всегда заключающее в себе утверждение бытия того, к кому оно обращено, и поэтому вынужден отвергнуть либо другого, либо себя. У этой преграды вступающий в отношение осознает свою подвластность взаимосвязи с партнером, и лишь одновременно с этим исчезает преграда.

Все же непосредственно ненавидящий ближе к отношению чем тот, кто лишен любви и ненависти.

* * *

Но вот в чем состоит возвышенная печаль нашего жребия: каждое Ты в нашем мире обречено превратиться в Оно. Столь исключительным было присутствие Ты в непосредственном отношении: но как только отношение исчерпает себя или в него проникнет средство. Ты становится объектом среди объектов - пусть важнейшим, но все же одним из них - имеющим меру и границы. В творчестве реализация в одном смысле означает утрату реальности в другом. Подлинное созерцание кратковременно: жизнь в природе, только что раскрывшаяся передо мной в таинстве взаимодействия, теперь снова может быть описываема, расчленяема, классифицируема - как точка пересечения множества разнообразных законов. И сама любовь не может сохраниться в непосредственном отношении; она длится, но в чередовании актуальности и латентности. Человек, который только что еще был единственным и лишенным свойств, который не был в наличии - только присутствовал, которого нельзя было познавать, но можно было коснуться, - этот человек теперь снова стал Он или Она - суммой качеств, количеством в конкретном образе. Теперь я снова могу извлечь из него цвет его волос, окраску его речи, оттенок его доброты; но пока я это могу, он уже не мое Ты и еще не стал им снова.

Каждое Ты в мире по сути своей обречено стать вещью или, во всяком случае, вновь и вновь погружаться в вещь. На языке объективном можно было бы сказать, что каждая вещь в мире может до или после своего овеществления являться какому-либо Я в качестве его Ты. Но объективный язык ухватывает лишь краешек подлинной жизни.

Оно - куколка. Ты - бабочка. Только не всегда это состояния, которые четко отделены одно от другого: часто - это одно, в глубокой двойственности запутанное событие.

* * *

В начале было отношение. Возьмите язык "дикарей", т. е. тех народов, чей мир еще беден объектами и чья жизнь строится в тесном кругу действий, насыщенных присутствием. Ядра их языка - слова-предложения, первичные дограмматические конструкции, из расщепления которых возникает все многообразие грамматических форм, - чаще всего выражают цельность отношения. Мы говорим: "Очень далеко"; зулус скажет вместо этого слово-предложение, которое значит: "Там, где кто-то кричит: "О, мама, я пропал", а житель Огненной Земли посрамит нашу аналитическую премудрость семисложным словом, точный смысл которого - "глядят друг на друга, каждый ожидая, что другой вызовется сделать то, чего оба хотят, но не могут сделать". Здесь, в целостности отношения нерасчлененно присутствуют и лица - будущие существительные и местоимения; они пока лишь намечены и не обладают полной самостоятельностью. Смысл речи составляют не эти продукты анализа и размышления, а подлинное первичное единство, переживаемое отношение.

При встрече мы приветствуем человека, желая ему благополучия, уверяя его в своей преданности или поручая его Богу. Но как мало непосредственности в этих стершихся формулах (улавливается ли хоть что-нибудь в "Хайль!" от первоначального наделения властью!) в сравнении с не теряющим свежести телесным приветствием кафров: "Я тебя вижу!" - или с его забавным и возвышенным американским вариантом: "Услышь мой запах!"

Можно предположить, что понятия и связи, да и сами представления о лицах и вещах, выделились из представлений о таких событиях и состояниях, которые имели характер отношений. Стихийные впечатления и волнения, пробуждающие дух "первобытного человека", вызываются событиями-отношениями - переживанием того, что предстает перед ним, и состояниями-отношениями - жизнью с тем, что предстает перед ним. О луне, которую он видит каждую ночь, он не составляет себе никаких идей, пока она, во сне или наяву, не предстанет ему телесно, приблизившись своими беззвучными движениями, околдует его, очарует своими касаниями, навлекая на него худое или доброе. Вначале он не сохраняет в себе даже оптического представления о блуждающем световом диске или о демоническом существе, как-то связанном с этим диском, а лишь динамический, пронизывающий тело, волнующий образ лунного воздействия, из которого лишь постепенно выделяется персональный образ - лик луны: тогда воспоминание о том неведомом, что воспринималось еженощно, разгорается в представление о виновнике и носителе этого воздействия, и возникает возможность его объективирования, превращения первоначально непознаваемого, но лишь переживаемого Ты в Он или Она.

То, что всякое значительное явление поначалу имело и долго сохраняло характер отношения, делает более понятным один широко наблюдаемый и обсуждаемый, но не вполне разгаданный современными исследователями духовный элемент примитивной жизни - ту таинственную силу, представление о которой в разных видах прослеживается в верованиях или знаниях (а они там еще суть одно целое) многих диких племен, ту Мана или Оренда, путь от которой ведет к Брахману в его первичном смысле и далее к Динамис и Харис "Волшебных папирусов" и апостольских посланий. Ее описывали как сверхчувственную и сверхприродную силу, т. е. с помощью наших категорий, чуждых примитивному сознанию. Границы мира для примитивного человека определяются его телесными переживаниями, к которым вполне "естественно" принадлежат, скажем,

посещения умерших; принимать нечувственное за реально существующее должно казаться ему абсурдом. Явления, которым он приписывает "мистическую силу", т. е. вообще все события, волнующие его, действуя на его тело и оставляя в нем образ волнения, суть стихийные события-отношения. Луна и мертвец, что посещают его по ночам, принося муку или наслаждение, обладают этой силой; но ею же обладают опалюющее его солнце и зверь с его угрожающим воем, вождь, чей взгляд заставляет его повиноваться, и колдун, чье пение вселяет в него силу для охоты. Мана есть просто нечто действующее, то, что превращает лунный лик там, в небесах, в волнующее кровь Ты, и чей след остается в памяти, когда из образа волнения выделяется образ объекта, хотя сама она является человеку не иначе, как в носителе и виновнике действия. Мана - это то, обладая чем (например, в виде волшебного камня), можно самому оказывать такое же действие. "Мировоззрение" дикаря магическое, но не потому, что в центре его стоит магическая сила человека, а потому, что она есть лишь особая разновидность всеобщей магической силы, из которой проистекает всякое значительное действие. Причинность в его мировоззрении - не континуум, а все новые и новые вспышки, всплески порождающей следствие силы, бессвязная вулканическая деятельность. Мана есть примитивная абстракция, вероятно, более примитивная, чем, скажем, число, но не более сверхъестественная. Совершенствующаяся память выстраивает в ряд друг за другом большие события-отношения, стихийные потрясения; важнейшее для охранительного инстинкта и интереснейшее для познавательного инстинкта - само "воздействующее" - запечатлевается наиболее ярко, выделяется и приобретает самостоятельность; менее важное, необщее, изменчивое Ты отдельных событий отступает на задний план, остается изолированным в памяти, постепенно объективируется и очень медленно объединяется в группы и классы. И третьим в этом ряду появляется - жуткий в своей обособленности, временами более призрачный, чем мертвец или луна, но все более неопровержимо отчетливый другой "неизменный" партнер: "Я".

Сознание своего "Я" столь же мало связано с первичным господством инстинкта "само"-сохранения, сколько и с господством других инстинктов; продолжить себя хочет не "Я", а тело, не ведающее еще никакого "Я"; не "Я", а тело хочет создавать вещи для труда и игры, хочет быть "творцом"; и в примитивной познавательной деятельности не найдешь *cognosco ergo sum* даже в самой наивной форме - никакого, даже самого детского представления о познающем субъекте. Я, как отдельный элемент, появляется в результате разложения первичных событий, живых первичных слов: "Я - воздействующее на Ты и Ты действующее на Я", после того как они расщеплены на части, и причастие (т. е. действующее начало) предстает как выделенный объект. Иными словами: Я гипостазирован в результате субстантивирования отношения Я-Ты.

* * *

Фундаментальное различие между двумя основными словами проявляется в духовной истории дикаря в том, что уже в первоначальном событии-отношении он произносит основное слово Я-Ты естественно, как бы дообразно, т. е. еще до того, как он осознал себя в качестве Я; тогда как основное слово Я - ОНО вообще становится возможным лишь через это осознание, через выделение Я.

Первое из основных слов может, разумеется, распасться на Я и Ты, но оно не возникло из их соединения; оно - до Я. Второе же слово возникло из соединения Я и Оно; оно - после Я.

Примитивное событие-отношение включает в себе Я в силу своей исключительности. Оттого, что в нем, по самому его существу, участвуют только двое - человек и противостоящее ему - в полноте их реальности; оттого, что мир предстает в нем как двойственная система, человек уже ощущает в нем этот космический пафос Я, еще не осознавая самого Я.

Напротив, то естественное событие-дело, которое приведет к основному слову Я-ОНО, к познанию в его связи с Я, еще не включает в себе Я. Это событие-дело порождает выделенность человеческого тела как носителя своих восприятий из окружающего его мира. Тело научается узнавать и отличать себя в этой своей особенности, однако это распознавание остается в пределах чистого сопоставления и потому не влечет за собой осознание Я.

Но когда Я отношения выявилось и начало существовать в своей отдельности, то, до странности обедняясь и функционализируясь, оно нисходит до актуального события-дела, в котором действует тело, отделившееся от его окружения, и пробуждает в нем присутствие Я. Только теперь может иметь место сознательный акт Я, первая форма основного слова Я-ОНО, познания в его связи с субъектом: выявившееся Я объявляет себя носителем восприятий, а окружающий мир - своим объектом. Конечно, это происходит пока в "примитивной", а не в "теоретико-познавательной" форме; но лишь только фраза: "Я вижу дерево" - произнесена так, что она повествует уже не об отношении между человеком-Я и деревом-Ты, а о восприятии дерева-объекта сознанием человека, - и она уже воздвигла барьер между субъектом и объектом; основное слово Я-ОНО, слово разъединения, уже сказано.

* * *

- Значит, эта печаль, присущая нашей судьбе, появилась уже на заре истории?

- Воистину так: поскольку сознательная жизнь человека появилась в начале истории. Но в сознательной жизни бытие мира лишь повторяет себя в форме человеческого становления. Дух является во времени как порождение, пожалуй, даже как побочный продукт природы, однако именно дух есть то, что ее вне времени объемлет.

Противоположность основных слов имеет много имен в мирах и эпохах; но в своей безымянной истинности она имманентна Творению.

* * *

- Значит, ты веришь в то, что заря человечества была раем?

- Пусть она была адом - а ведь ясно, что эти времена, к которым я могу вернуться в историческом размышлении, полны ярости, и страха, и мучений, и жестокости, но нереальной она не была.

Конечно, переживание встречи у первобытного человека не было отмечено кроткой симпатией; но уж лучше насилие над живым, реально воспринимаемым существом, чем призрачная забота о безликих числах! От первого путь ведет к Богу, от второй - лишь в Ничто.

* * *

Лишь краткие проблески развития основных слов во времени приоткрывает наш дикарь, чья жизнь, будь она даже полностью раскрыта перед нами, может дать лишь искаженное представление о жизни настоящего первобытного человека. Более полное знание мы получаем от ребенка.

Здесь нам становится отчетливо ясным то, что духовная реальность основных слов возникает из природной реальности; для основного слова Я-Ты - из природного единства, а для основного слова Я-ОНО - из природной разъединенности.

Жизнь ребенка до рождения есть чисто природная взаимосвязь, взаимопротекание и телесное взаимодействие; причем жизненный горизонт становящегося существа неким уникальным образом кажется и вписанным, и в то же время выходящим за пределы жизни вынашивающего его существа - ибо дитя покоится не только в чреве матери. И столь беспредельно космический характер имеет эта связь, что всего лишь отблеском наидревнейшего звучит древнееврейское агадическое изречение: "Во чреве матери человек знает вселенную, при рождении он забывает ее". И эта связь навсегда остается в человеке как тайно вожделенный образ. Стремление к нему вовсе не означает тяги назад, как думают те, что в духе - путая его со своим интеллектом - видят паразита природы: напротив того, он, при всей своей подверженности разнообразным болезням - ее прекраснейший цветок. Нет: это вожделение означает, что существо, в котором распустился цветок духа, тоскует по космической связи со своим истинным Ты.

Каждое человеческое дитя, как и все живое, при своем становлении покоится во чреве великой матери: нерасчлененного, дообразного первичного мира. Отделяясь от нее, оно становится личностью, со своей жизнью, и уже только в часы мрака, когда мы ускользаем от личного существования (от ночи к ночи это повторяется с каждым здоровым человеком), становимся мы вновь к ней близки. Это отделение не происходит, однако, так внезапно и катастрофически, как отделение от телесной матери; ребенку дано время, чтобы заменить утрачиваемое им природное единство с миром на связь духовную, т. е. на отношение.

Из раскаленной тьмы хаоса он вышел на холодный свет творения, но он еще не владеет им, он еще должен вызвать его к жизни и превратить в реальность для себя, он должен увидеть свой собственный мир, услышать, нащупать, выразить его. Творение раскрывает свою образную природу во встрече; оно не изливается в выжидающие органы чувств, а встает навстречу сознанию постигающему. Что для сформировавшегося человека становится привычным предметом окружения, то человек формирующийся должен искать и добывать в напряженных усилиях; ни одна вещь не является изначальной частью опыта, ничто не раскрывается иначе, как во взаимодействии с тем, что предстоит перед ним. Как дикарь, ребенок живет между сном и сном (да и большая часть яви - еще тоже сон), во вспышках и отражениях встречи.

Изначальность стремления к отношению проявляется уже на самой ранней, самой смутной ступени. Еще до того, как становится возможным восприятие отдельного, робкий взгляд уже устремлен в туманное пространство, к чему-то неопределенному; и в те минуты, когда явно нет потребности в пище, нежные, еще не оформившиеся руки по видимости бесцельно блуждают, совершая неуверенные движения в пустоте, как бы ища встречи с чем-то неопределенным. Пусть скажут, что это проявление животного начала, - это не поможет понять происходящее. Ведь тот же самый взгляд после долгих попыток сосредоточиться, остановится на красном узоре ковра и не оторвется от него, пока ему не откроется душа красного; те же самые движения уловят телесную форму и определенность мохнатого плюшевого мишки и обретут любовное и незабываемое знание тела в его цельности; ни то ни другое не является познанием какого-либо объекта, в обоих случаях происходит общение ребенка - разумеется, лишь в "фантазии" - с тем, что предстает перед ним в живой действительности. (Эта

"фантазия", однако, ни в малейшей степени не является "анимизацией" - одушевлением окружающего; это - стремление делать все своим Ты, потребность вступить в отношение со всем миром; и там, где нет живой воздействующей реальности - а есть только ее изображение или символ, - эта потребность добавляет живое действие от своей полноты.) Еще звучат обращенные в пустоту, бессмысленно и настойчиво, отрывочные нерасчлененные звуки; но однажды именно они неожиданно превратятся в беседу. Многие из движений, которые называют рефlekсами, служат прочным мастерком для строительства личности в мире. Как раз неверно, что ребенок сначала воспринимает объект и только потом уже вступает в отношение с ним; нет: первое - это стремление к отношению, это рука, округленная так, чтобы к ней прильнуло предстоящее перед ним; второе - отношение к нему, бессловесный прообраз слова Ты; становление вещей - более поздний продукт, возникающий из расщепления первичного опыта, из разъединения связанных партнеров - так же как и становление Я. В начале стоит отношение: как категория бытия, как готовность, постигающая форма, модель души; а поп отношения; врожденное Ты.

Переживаемые отношения - это реализация врожденного Ты в Ты встреченном; то, что это последнее может быть понято как предстоящее, воспринято в его исключительности и, наконец, то, что к нему может быть обращено основное слово, - вытекает из априорности отношения.

В инстинкте контакта (стремления сначала осязательно, а затем зрительно "касаться" другого существа) врожденное Ты очень скоро полностью реализует свое предназначение, так что он начинает все более отчетливо означать взаимность, "нежность". Но и появляющееся позднее стремление к творчеству (стремление к созданию вещей синтетическим или, если это невозможно, аналитическим путем - расчлняя и разрывая) также определяется врожденным Ты, так что происходит "персонификация" созданного, рождается "беседа". Раскрытие души ребенка неразрывно связано с развитием потребности в Ты, со сбывающимися надеждами и с разочарованиями, с игрой его экспериментов и трагической серьезностью его растерянности. Любая попытка объяснить этот феномен в рамках более узкого подхода затрудняет его понимание; к настоящему пониманию можно прийти, если при истолковании феномена помнить его космически-метакоsmический источник: происхождение из того нерасчлененного, дообразного первичного мира, откуда целиком вышел рождаемый в мир телесный индивид, еще не оформившийся, не актуализовавшийся как личность: ей (личности) предстоит лишь постепенно, и именно через вхождение в отношения, развиться из этого первичного мира.

* * *

Через Ты человек становится Я. Противостоящее приходит и исчезает, события-отношения множатся и рассеиваются, и в этой смене становится все более ясной, усиливаясь раз от разу, неизменность партнера, приходит осознание Я. Правда, оно возникает все еще в паутине отношения, в связи с Ты, как возможность различить того, кто стремится к Ты, пока однажды не разорвется связь и в какой-то краткий миг Я окажется противостоящим самому себе, изолированному, как некоему Ты, чтобы затем тотчас овладеть собой и отныне вступать в отношения, уже осозная себя.

И только теперь может сформироваться другое основное слово. Потому что даже тогда, когда Ты отношения все больше бледнеет, оно не превращалось оттого в Оно для некоего Я, в объект изолированного восприятия и познания, как это будет отныне; нет, скорее Ты превратилось как бы в Оно для себя самого, в такое Оно, которое поначалу не замечают, но которое ждет возрождения в новом событии-отношении. И пускай тело, созревающее в личность, выделяло себя из окружающего мира как носителя своих ощущений и исполнителя своих желаний это было лишь сопоставление для ориентации, а не абсолютное размежевание Я и его объекта. Теперь же выступает отделившееся Я, выступает преобразенным: утрачивая жизненную полноту, сжигаясь до функциональной одномерности познающего и использующего субъекта, Я подступает ко всякому "Оно для себя", овладевает им и составляет с ним другое основное слово. Человек, обретший Я и говорящий Я - Оно, встает перед вещами, но не лицом к лицу с ними в потоке взаимодействия; склоняясь над отдельными вещами с объективирующей лупой или направляя на них объективирующий бинокль, организуя их в некую картину, изолируя их в наблюдении, но без чувства их исключительности, или связывая их в наблюдении, но без чувства мирового единства; первое (исключительность) он мог бы найти лишь в отношении, второе (единство) - лишь через отношение. Теперь впервые он познает вещи как суммы свойств. Разумеется, каждое пережитое отношение оставило в его памяти свойства, принадлежащие Ты, но только теперь вещи для него складываются из своих свойств: только лишь по воспоминанию об отношении человек восполняет - в мечтах, образах или размышлениях, смотря по своему характеру, - то ядро, ту сущность, которая властно, обнимая собой все свойства, открывалась ему в Ты. И опять-таки впервые он теперь размещает вещи в пространстве и времени, устанавливает связь причин, впервые каждая из них получает свое место, свой срок, свою меру, свою обусловленность. Правда, и Ты является в пространстве, но в ситуации, когда оно предстает в своей исключительности, когда все другое может быть лишь фоном, из которого оно выступает, но не его границей или его мерой; Ты является во времени, но во времени замкнутого в себе события, которое переживается не как часть непрерывной и четко расчлененной последовательности, но в "длительности", чей исключительно

напряженный темп определим лишь из нее самой; Ты является, наконец, как нечто действующее и испытывающее действие, но оно не включено в цепь причинности, а - в своем взаимодействии с Я - есть начало и конец происходящего. И это сопряжено с основной истиной человеческого мира: только Оно может быть упорядочено. Лишь когда вещи из нашего Ты превращаются в наше Оно, возникает возможность их координирования. Ты не знает системы координат.

Но теперь, когда мы достигли этой точки, необходимо сказать еще и другое, без чего сказанное останется лишь бесполезным осколком основной истины: упорядоченный мир не есть мировой порядок.

Бывают мгновения безмолвной глубины, когда мировой порядок открывается человеку как полнота Настоящего. Тогда можно расслышать музыку самого его струения; ее несовершенное изображение в виде нотной записи и есть упорядоченный мир. Эти мгновения бессмертны, и они же - самые преходящие из всего существующего: они не оставляют по себе никакого уловимого содержания, но их мощь вливается в человеческое творчество и в человеческое знание, лучи этой мощи изливаются в упорядоченный мир и расплавляют его вновь и вновь. Это случается и в истории личности, и в истории рода.

* * *

Мир для человека двойствен в соответствии с двойственностью его позиции.

Он воспринимает то, что существует вокруг него, просто вещи и существа как вещи; он воспринимает происходящее вокруг него - просто события и поступки как события, вещи, состоящие из свойств, и события, состоящие из мгновений, вещи, отнесенные к пространственной сетке, и события, отнесенные к временной сетке, вещи и события, ограниченные другими вещами и событиями, измеряемые ими, сравнимые с ними, - упорядоченный мир, расчлененный мир. Этот мир в известной степени надежен, он обладает плотностью и длительностью, его структура обозрима, ее можно выявлять снова и снова, ее повторяют с закрытыми глазами и проверяют, открыв глаза: он ведь тут распростерся у самой твоей кожи или, может, съежился внутри твоей души - смотря по тому, какую точку зрения ты предпочитаешь: это ведь твой объект, он остается таковым по твоей милости, остается изначально чуждым тебе, будь он вне или внутри тебя. Ты воспринимаешь его, берешь его себе как "действительность", и он позволяет брать себя; но он не отдается тебе. Только относительно такого мира ты можешь "объясниться" с другими; он, хотя и связанный с каждым по-разному, готов служить вам общим объектом; но в нем ты не можешь встретиться с другими. Без него ты не можешь устоять в жизни, его надежность поддерживает тебя; но если ты умрешь в нем, ты будешь погребен в Ничто.

Или же человек встречает бытие и становление как то, что предстает именно перед ним, всегда только одну сущность и каждую вещь только как сущность; то, что есть тут, раскрывается ему в событии, и то, что тут совершается, он переживает как бытие; кроме этого одного, ничего нет в настоящем, но это одно - весь мир; исчезли мера и сравнение; от тебя зависит, сколь много от неизмеримого станет реальностью для тебя. Встречи не упорядочиваются в мир, но каждая из них для тебя знак мирового порядка. Они не связаны друг с другом, но каждая служит тебе порукой твоего единения с миром. Мир, который является тебе так, ненадежен, ибо он является тебе всегда новым, и ты не смеешь ловить его на слове; он лишен плотности, ибо в нем все пронизывает друг друга; лишен длительности, ибо он приходит незванным и исчезает, даже если держишь его крепко; он необозрим: если захочешь сделать его обозримым, ты потеряешь его. Он приходит, приходит взять тебя с собой; если он не находит тебя, не встречает тебя, то он исчезает; но он приходит снова в ином обличье. Он не вне тебя, он шевелится в твоей глубине, и, сказав: "Душа моей души", ты скажешь не слишком много, но остерегайся желания поместить его к себе в душу - этим ты его уничтожишь. Он есть твое настоящее: лишь имея его, имеешь ты настоящее; и ты можешь превращать его в свой объект - познавать и использовать - ты вынужден делать это вновь и вновь, - и каждый раз при этом ты теряешь настоящее. Между тобой и им - взаимность даяния; ты говоришь ему Ты и отдаешь себя ему, он говорит тебе Ты и отдает себя тебе. Относительно него ты не можешь объяснить с другими, с ним ты остаешься один на один; но он учит тебя встречать других и уметь устоять во встрече; и он ведет тебя - через благодать своих приходов, через печаль расставаний - к тому Ты, в котором сходятся параллельные линии отношений. Он не помогает тебе удержаться в жизни, он лишь помогает тебе прозревать вечность.

* * *

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени. Мир Ты не имеет никакой связности в пространстве и времени.

Отдельное Ты обречено, по завершении события-отношения, превратиться в Оно.

Отдельное Оно может, через вхождение в событие-отношение, превратиться в Ты.

Таковы два основных преимущества мира Оно. Они побуждают человека смотреть на мир. Оно как на тот мир, в котором ему приходится жить и где к тому же приятно жить, как на мир, где его ожидают разнообразные волнения и порывы, всевозможные виды деятельности и знаний. Мгновения Ты являются в этой

прочной и полезной летописи как причудливые лирико-драматические эпизоды, соблазнительно волшебные, но влекущие к опасным крайностям, ослабляющие испытанную связь, оставляющие за собой больше вопросов, чем удовлетворенности, подрывающие безопасность - тревожные эпизоды, неизбежные эпизоды. Но если все-таки приходится возвращаться из них в "мир", почему бы не остаться в нем? Почему бы не призвать к порядку то, что встает навстречу, и не отослать его назад в мир объектов? Почему бы, если человек подчас не может не говорить Ты, скажем, отцу, жене, товарищу, почему бы не говорить Ты, имея в виду Оно? Издать звук Ты органами речи - это еще вовсе не то, что сказать тревожное основное слово; да и прошептать душой влюбленное Ты тоже не опасно, пока всерьез не имеется в виду ничего, кроме: познать и использовать.

В одном только настоящем жить невозможно, оно истощило бы человека вконец, если бы не было предусмотрено, что оно быстро и основательно преодолевается. А в одном только прошедшем жить можно; как раз только в нем и возможно устроить жизнь. Нужно лишь заполнить каждый миг познанием и использованием - и он уже не опалает.

Но выслушай истину во всей ее серьезности: человек не может жить без Оно. Но тот, кто живет только с Оно, - не человек.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

Как бы ни отличались друг от друга история отдельной личности и история человеческого рода, в одном они все же сходны: они означают прогрессирующий рост мира Оно.

Справедливость этого для истории рода подвергают сомнению. Указывают на то, что сменяющие друг друга культуры начинаются каждый раз с некоторого примитивного состояния (эти состояния могут быть по-разному окрашены, но структуры их сходны) и с соответствующего ему скудного объектного мира; поэтому жизнь индивидуума надо сопоставлять не с историей рода, а с историей отдельной культуры. Но не будем принимать во внимание кажущуюся изолированность: культура, исторически находящаяся под влиянием другой, на некоторой стадии - не очень ранней, но все же предшествующей эпохе наивысшего расцвета, - вбирает в себя ее мир Оно (будь то непосредственное заимствование от еще существующей культуры, как греческий мир воспринял египетское, или опосредствованное - от культуры уже ушедшей, как западный христианский мир воспринял греческое); культура увеличивает свой мир Оно не только за счет собственного опыта, но и за счет притока извне, и лишь после такого развития происходят решающие, типа открытий, расширения этого мира. (Оставим пока в стороне, насколько велика здесь роль перцепции и воздействий мира Ты.) Таким образом, как правило, у каждой культуры мир Оно шире, чем у предшествующей; и, несмотря на отдельные остановки и кажущиеся движения вспять, в истории отчетливо прослеживается рост мира Оно. При этом несущественно, какая концепция больше свойственна "мировоззрению" данной культуры - концепция конечности или так называемой бесконечности (правильнее: не конечности); ведь "конечный" мир вполне может содержать больше составных частей, вещей, процессов, чем "бесконечный". И необходимо иметь в виду, что сравнивать нужно не только уровень знаний о природе, но и степень дифференциации общества и уровень технических достижений; рост обоих расширяет объектный мир.

Связь человека с миром Оно включает в себя познание, которое вновь и вновь заново организует этот мир, и использование, которое реализует его многообразное назначение: поддержание, облегчение и оснащение человеческой жизни. С увеличением объема мира Оно должна расти и способность человека к его познанию и использованию. Правда, для отдельной личности непосредственное познание может все больше заменяться косвенным "приобретением сведений", а использование - все больше сводиться к специализированному "применению"; тем не менее непрерывное развитие этой способности от поколения к поколению неизбежно. Именно это обычно имеют в виду, когда говорят о прогрессирующем развитии духовной жизни. И тем самым совершают грех слова против духа: потому что эта так называемая "духовная жизнь" чаще всего является препятствием для жизни человека в духе и в лучшем случае - материалом, который, будучи покорен и преобразован, прорастет в ней. Препятствие, потому что развитие способности к познанию и использованию сопровождается обычно ослаблением способности к отношению - той единственной способности, благодаря которой становится возможной духовная жизнь человека.

* * *

Дух в его человеческом проявлении есть ответ человека своему Ты. Человек говорит на многих языках - на языках речи, искусства, действия, - но дух один: ответ из тайны являющемуся, из тайны взывающему Ты. И как устная речь: пусть она сначала облекается в слова в человеческом мозгу, затем в звуки в его гортани, но и то и другое - лишь преломления действительного события, ибо в действительности не речь находится в человеке, а человек пребывает в речи и говорит оттуда, так всякое слово, так всякий дух. Дух не в Я, но между Я и Ты. Он - не

как кровь, что течет в тебе, но как воздух, в котором ты дышишь. Человек живет в духе, когда он может ответить своему Ты. Он способен на это, если он погружается в отношение всем своим существом. Только благодаря своей способности к отношению может человек жить в духе.

Но здесь в полной мере выявляется судьба события-отношения. Чем сильнее ответ, тем сильнее он связывает Ты, принижает его до объекта. Только молчание с Ты, молчание всех языков, безмолвное ожидание в неформленном, в нерасчлененном, в доязыковом слове оставляет Ты свободным, позволяет пребывать с ним в той затаенности, где дух не проявляет себя, но присутствует. Всякий ответ втягивает Ты в мир Оно. В этом печаль человека и в этом его величие. Ибо так в среде живых существ рождается знание, так рождается творчество, так рождается изображение и символ.

Но если нечто превратилось в Оно таким образом, то, застывшее в вещь среди вещей, оно несет в себе стремление и предназначение: возрождаться вновь и вновь. Вновь и вновь - так было предопределено в час духа, когда он явил себя человеку и породил в нем ответ, объектное будет воспламеняться, разгораясь в Настоящее, погружаться в стихию, из которой оно вышло, и люди будут видеть и переживать его как Настоящее.

Это свершение, это предназначение не может осуществиться, если человек довольствуется миром Оно как таким миром, который надлежит познавать и использовать, и вместо того, чтобы освободить то, что в нем заковано, - подавляет его; вместо того, чтобы вглядываться в него, - наблюдает; вместо того, чтобы воспринимать, утилизирует.

Познание: в созерцании противостоящего открывается познающему сущность. Конечно, то, что он видел как Настоящее, ему придется рассматривать как объект, сравнивать с объектами, помещать в ряд других объектов, объективно описывать и анализировать; только как Оно может это войти в сферу познания. Но в созерцании оно было не вещью среди вещей, не событием среди событий, а исключительным Настоящим. Не в законе, который потом выводится из явления, а в нем самом открывает себя сущность. Мыслить общо означает лишь: распутывать клубок события, ибо созерцалось оно в особенном, в противостоянии. И теперь его втиснули в Оно - форму понятийного познания. Кто освободит его оттуда и снова увидит его оттуда, снова увидит как Настоящее, тот завершит данный акт познания, - если понимать его как нечто действительное и действенное между людьми. Но можно заниматься познанием и по-другому - установить: "Так, значит, обстоит дело, так называется вещь, так она устроена, вот куда она относится"; при этом то, что превратилось в Оно, так и оставляют быть Оно, познают и используют как Оно, употребляют для того, чтобы "сориентироваться" в мире, а потом и для того, чтобы "покорить" мир.

Так и в искусстве: в созерцании противостоящего открывается художнику образ. Он принижает его до произведения. Произведение - не в мире богов, но в этом огромном мире людей. И оно "здесь", даже когда ни один человеческий взгляд не останавливается на нем; но оно спит. Китайский поэт рассказывает, как люди не хотели слушать песню, которую он играл им на своей нефритовой флейте, тогда он сыграл ее для богов, и они внимали ей; с тех пор и люди внимают той песне: значит, он все же ушел от богов к тем, без кого не может обойтись произведение. Оно ждет, как во сне, чтобы человек снял заклятие - и на один бессмертный миг охватил образ. Потом он снова придет в себя и тогда познает то, что надлежит познать: "так-то оно сделано", или: "в нем выражено то-то и то-то", или: "таковы его качества" и, наверное, еще вот что: "это произведение такого-то класса и уровня".

Не то чтобы научный и эстетический интеллект не был необходим, но он нужен для того, чтобы честно сделать свое дело и погрузиться в надынтеллектуальную, обнимающую собой интеллектуальную, истину.

И в- третьих: чистое воздействие без намерения. Оно выше духа познания и духа искусства. Ибо здесь бренный человек уже не нуждается в том, чтобы вложить себя в долговечную материю: он сам, как образ, переживает ее и, овеянный музыкой своей живой речи, расцветет в звездном небе духа. Здесь Ты являлось человеку из более глубокой тайны, обращалось к нему из самой тьмы, и он откликнулся своей жизнью. Здесь, время от времени, слово становилось жизнью, и эта жизнь (следовала ли она закону или нарушала закон: и то, и другое одинаково необходимо, иначе умер бы на земле дух), эта жизнь есть поучение. В глазах потомков -это жизнь, предназначенная учить их не тому, что есть и что должно быть, а тому, как прожить жизнь в духе - лицом к лицу с Ты. И это значит: жизнь-поучение готова в любой момент сама стать для них Ты и открыть им мир Ты, более того - она постоянно приближается к ним и прикасается к ним. Они же, потерявшие охоту и способность к живому естественному общению, они знают, что к чему: личность они засадили, как в клетку, в историю, а слова ее - в свои книгохранилища, они кодифицировали как исполнение, так нарушение; не скупятся они и на почитание, даже на поклонение с изрядной добавкой психологии, как это подобает современному человеку. О лицо, одинокое, как звезда в ночи, о живой перст на бесчувственном челе, о затихающие шаги!

* * *

Развитие функции познания и использования почти всегда сопровождается ослаблением способности человека к отношению.

Тот самый человек, который из духа приготовил себе лакомое блюдо, как он ведет себя с живущими вокруг него существами?

Находясь во власти основного слова разъединения, изолирующего друг от друга Я и Оно, он разделил свою жизнь с ближними на две четко очерченные области: учреждения и чувства. Область Оно и область Я.

Учреждения - это "внешнее", где преследуют разнообразные цели, где работают, ведут переговоры, влияют, предпринимают, конкурируют, организуют, хозяйствуют, служат, проповедают: до некоторой степени упорядоченная и в какой-то мере гармоничная структура, в которой, при многообразном участии человеческих мозгов и человеческих конечностей, происходит течение дел.

Чувства - это "внутреннее", где живут и отдыхают от учреждений. Здесь перед заинтересованным взором пляшет спектр эмоций; здесь наслаждаются своими склонностями и своей ненавистью, своей радостью и - если она нечрезмерна - своей болью. Здесь человек - у себя дома и растягивается в кресле-качалке.

Учреждения - это трудный форум, чувства - богатый развлечениями будуар.

Конечно, такое разграничение всегда под угрозой, потому что резвые чувства вторгаются иногда в самые объективные учреждения; но при некоторой доброй воле его всегда можно восстановить.

Труднее всего четкое разграничение в сфере так называемой личной жизни. В браке, например, иногда непросто осуществить его, но все же это возможно. Лучше всего видна граница в сфере так называемой общественной жизни; стоит, например, понаблюдать, как в деятельности партий (да и считающихся надпартийными группировок) и в их "движениях" резко отличаются друг от друга штурмующие небо собрания и (все равно, механизированно-упорядоченная или органически-неряшливая) ползучая, придавленная к земле повседневная работа.

Однако изолированное Оно учреждений - это бездушный Голем, а изолированное Я чувств - порхающая то тут, то там птица. Оба не знают человека: первый знает лишь экземпляр, вторая - лишь "объект", и никто из них не знает личности, никто - цельности. Оба не знают настоящего: учреждения, даже самые современные, знают лишь застывшее прошлое, законченность; чувства, даже самые долговечные, - всегда лишь быстротечное мгновение, еще-не-осуществленность. Оба не имеют доступа к реальной жизни. Учреждения не создают общественной, а чувства - личной жизни.

То, что учреждения не создают общественной жизни, ощущает все большее число людей, ощущает со все большей болью: это отправная точка бедственных исканий века. То, что чувства не создают личной жизни, поняли лишь немногие; ведь кажется, что здесь-то и обитает самое личное; и если только научиться, как это свойственно современному человеку, заниматься исключительно своими собственными чувствами, то отчаяние из-за их нереальности не так легко научит чему-нибудь лучшему, потому что оно - тоже чувство, и занимательное. Люди, которые страдают от того, что учреждения не создают общественной жизни, придумали средство: учреждения нужно - как раз с помощью чувств - оживить, или расплавить, или взорвать; именно на основе чувств надо обновить учреждения, введя в них "свободу чувств". Если, скажем, механическое государство связывает по существу своему чуждых друг другу граждан, не порождая и не поощряя совместной жизни, - надо, говорят эти люди, заменить его общиной, основанной на любви; а такая община как раз и возникнет, когда люди, влекомые свободным, щедрым чувством, устремятся друг к другу и захотят жить вместе.

Но это не так. Истинная община возникает не оттого, что люди питают чувства друг к другу (хотя, конечно, и не без этого), но вот от каких двух вещей: все они находятся в живом, взаимном отношении к некоторому живому центру, и все они находятся в живом, взаимном отношении друг к другу. Второе проистекает из первого, но все же не обусловлено лишь им одним. Живое, взаимное отношение включает в себя чувства, но порождается не ими. Община строится на основе живого, взаимного отношения, а строитель - живой воздействующий центр.

И формы так называемой личной жизни тоже не могут быть обновлены, исходя из свободного чувства (хотя, конечно, и оно важно). Брак, например, никогда не обновится ничем иным, кроме как тем, на чем всегда основан всякий подлинный брак: два человека открываются друг другу как Ты. Во всех иных случаях брак строится на таком "Ты", которое ни для одного из двоих не есть Я. Ибо метафизический и метапсихический факт любви состоит в том, что она только сопровождается чувствами. Кто хочет обновить брак иными средствами, не отличается существенно от того, кто хочет уничтожить брак: оба обнаруживают неведение сути брака. И в самом деле, если от всей эротике века, о которой столько говорено, оставить лишь то, что не связано исключительно с Я, т.е. все те ситуации, где каждый для другого вовсе не присутствует истинно и вовсе не присутствует в воображении, но через другого лишь услаждает самого себя, - что же тогда останется?

Истинная общественная и истинная личная жизнь это две формы единения. Для того чтобы они возникли и сохранялись, нужны чувства (изменчивое, изменяющееся содержание), нужны учреждения (постоянная форма), но оба они, вместе взятые, еще не создают человеческую жизнь; создает же ее третье - центральное присутствие Ты; или, чтобы это правильнее выразить: центральное Ты, воспринимаемое в настоящем.

* * *

Основное слово Я-Оно не есть зло, как не есть зло материя. Оно есть зло, как материя, когда она дерзает объявить себя Сущим. Когда человек отдает себя во власть этого основного слова, его захлестывает непрестанно растущий мир Оно, его собственное Я утрачивает реальность, и тогда злой дух, витающий над ним, и призрак, обитающий в нем, начинают шептать друг другу признания в своей не-спасенности.

* * *

Но разве общественная жизнь человека не погружена с необходимостью в мир Оно? Две сферы этой жизни - экономика и политика - мыслимы ли они на иной основе, чем сознательный отказ от всякой "непосредственности", упорное и решительное неприятие всякого "чужого", не из самой этой области проистекающего стремления? И это познающее и утилизирующее Я, которое властвует здесь, - утилизирующее накопленные блага и труд в экономике, утилизирующее мнения и устремления в политике, - разве не его безграничным могуществом как раз и обусловлена прочная и обширная структура великих "объективных" образований в этих сферах? Да, организующее могущество ведущего государственного деятеля, ведущего хозяйственника - разве не связано оно как раз с тем, что он рассматривает людей, с которыми имеет дело, не как носителей непознаваемого Ты, а как источники труда и устремлений, чьи специфические возможности подлежат оценке и использованию? Разве не обрушился бы на него его мир, если бы он попытался, вместо того чтобы складывать Он+Он+Он в Оно, искать сумму Ты и Ты и Ты, которая никогда не даст ничего другого, как снова Ты? Разве не значило бы это променять формирующее мастерство на кустарный дилетантизм; светлый, мощный разум - на туманную мечтательность? И если мы переведем взгляд с ведущих на ведомых: разве само развитие характера современного труда и характера современной собственности не стерло почти все следы жизни в противостоянии, все следы истинного отношения? Было бы абсурдом желать приостановить это развитие - и если бы удалось абсурдное, тотчас же был бы разрушен самый сложный аппарат этой цивилизации, а ведь лишь он делает возможной жизнь непомерно разросшегося человечества.

- Говорящий, ты говоришь слишком поздно. Только что еще ты мог верить в свои слова, сейчас ты уже этого не можешь более. Ибо мгновение тому назад ты, как и я, увидел, что государством уже не управляют; кочегары еще подбрасывают уголь, но машинисты лишь по видимости еще правят бешено мчащимися машинами. И в этом движении, пока ты говоришь, ты, как и я, способен расслышать непривычный гул, который начинает издавать рычажный аппарат экономии; мастера высокомерно и успокаивающе улыбаются тебе, но смерть уже поселилась в их сердцах. Они говорят тебе, что приспособливают механизм к обстоятельствам; однако ты замечаешь, что отныне они могут разве что сами приспособливаться к механизму - и то лишь до тех пор, пока он это позволяет. Их ораторы поучают тебя, что экономика унаследует государство; ты знаешь, что наследовать нечего, кроме тирании буйно разрастающегося Оно, под игмом которой Я, все менее способное властвовать, все еще вообразает себя повелителем.

Общественная жизнь человека так же мало, как и он сам, может обойтись без мира Оно, в то время как присутствие Ты витает над этим миром, как дух над водами. Воля человека к извлечению пользы и воля к могуществу действуют естественно и законно до тех пор, пока они сопутствуют человеческой воле к отношению, пока они движимы ею. Не существует дурных побуждений, пока побуждения не отрываются от бытия; связанный с бытием и определяемый им импульс - это плазма общественной жизни, но изолированный импульс - это ее деградация. Экономика - обиталище воли к извлечению пользы и государство - обиталище воли к могуществу до тех пор участвуют в жизни, пока они участвуют в духе. Когда они отрекаются от него - они отрекаются от жизни; и пока она покончит со своими делами, еще добрую толику времени нам кажется, что мы наблюдаем движение живой структуры - там, где уже давно движется бездушный механизм. И привнесение некоторой доли непосредственности тут ничему, по существу, не поможет; ослабление жестокости структуры экономики или структуры государства не может компенсировать то, что уже не находится под главенством духа, говорящего Ты; никакое возбуждение периферии не может заменить собой живого отношения к центру. Общественные структуры черпают свою жизненность от избыточной силы, реализующей подлинное отношение, которая пронизывает ее, определяя ее телесную форму, т. е. от силы в духе. Государственный деятель или экономист, повинующийся духу, - не дилетант; он хорошо знает, что не может относиться к людям, с которыми ему приходится иметь дело, просто как к носителям Ты, - это разрушило бы его труд; но он все же отваживается делать это, правда лишь в некоторых пределах, которые поставит ему дух; и дух ставит ему пределы; и рискованное предприятие, которое взорвало бы отчужденную структуру, удается в структуре, осиянной присутствием Ты. Он не фантазирует: он служит истине, которая, будучи несравненно выше разума, не отвергает его, но объемлет и вмещает в себя. Он делает в общественной жизни то же самое, что в личной - человек, который ясно осознает себя неспособным в чистом виде реализовать Ты и все же каждый день выявляет его в Оно - по закону и мере этого дня, ежедневно проводя заново границу, обнаруживая границу. Так и труд, и обладание не могут обрести свободу сами по себе, а только при посредстве духа; только его присутствие может влить во всякую работу смысл и радость, во всякое обладание - благоговение и жертвенную силу, не до краев, а

quantum satis (сколько нужно), может все добытое трудом, хоть оно и останется связанным с миром Оно, преобразить в Противостоящее, в реализацию Ты. Здесь нет места оскудению; напротив, бывает, что именно в час жесточайшей нужды наступает непредвиденный расцвет.

Управляет ли государство экономикой или экономика - государством, пока они оба не преобразятся, не имеет значения. Станут ли государственные учреждения более свободными, а экономические - более действенными, важно, но не для вопроса о действительной жизни, который здесь ставится: свободными и действенными они не могут стать сами по себе. Главное, сохранится ли в жизни, в действительности дух, который говорит Ты, который откликается. То, что излилось от духа в общественную жизнь людей, - будет ли оно впоследствии подчинено государству и экономике или будет действовать независимо? То от духа, что еще упорно держится в личной жизни человека, вольется ли оно снова в общественную жизнь? Вот что имеет решающее значение. Ясно, что разбиением общественной жизни на независимые сферы, одной из которых являлась бы "духовная" жизнь, цель не будет достигнута; это лишь означало бы окончательно подчинить тирании сферы, погруженные в мир Оно, а дух полностью лишит реальности. Ибо, воздействуя на жизнь независимо, дух никогда не пребывает "в себе", но всегда в мире; он пронизывает мир Оно и преобразует его. Дух воистину "у себя", когда он может проникнуть в открытый для него мир, отдать ему себя, спасти мир и в нем - себя. Распыленная, ослабленная, вырожденная, пронизанная противоречиями духовность, которая сегодня представляет дух, может свершить подобное, лишь если она снова обретет сущность духа - способность говорить Ты.

* * *

В мире Оно неограниченно властвует причинность. Всякий доступный чувственному восприятию "физический" процесс, да и всякий "психический", обнаруженный или происходящий при самопознании, с необходимостью является причинно обусловленным и обуславливающим. Не составляют исключения и те процессы - составные части континуума мира Оно, - которым можно приписать характер целенаправленности: этот мир вполне допускает телеологию, но лишь как оборотную сторону причинности, как вплетенную в нее часть, не нарушающую его связной полноты.

Неограниченное господство причинности в мире Оно, фундаментально важное для научного упорядочения мира, не угнетает человека, который не замкнут в этом мире, а может вновь и вновь уходить из него в мир отношения. Здесь Я и Ты свободно противостоят друг другу во взаимодействии, не вовлеченном ни в какую причинность и не окрашенном ею, здесь гарантирована свобода - человеку и бытию. Только тот, кто знает отношение и присутствие Ты, способен принимать решение. Тот, кто принимает решение, свободен, ибо он предстал пред лицом.

Огненная плазма моей способности желать необузданно бурлит: все, что возможно для меня, охватывает меня в первобытном вихре, слитное и как бы неделимое; манящие блики сил мерцают со всех сторон; вселенная - как искушение, и я; в мгновенном становлении я устремляюсь - обе руки в огонь, глубоко туда, где таится то единственное, что ищет меня, - деяние - час пробил! И вот уже отвращена угроза бездны, уже лишнее средоточия Множество больше не забавляется пронизывающим однообразием своих притязаний, и остаются только двое несовместимые: Другое и Одно, безумие и предназначение. Ибо это не называется принять решение, когда Одно сделано, а Другое остается лежать - потухшая масса, покрывая мою душу шлаком, слой за слоем. Нет, лишь тот, кто всю силу Другого устремляет в деяние Одного, кто дает полнокровной страсти Избранного влиться в реализацию Избранного, лишь тот, кто "служит Богу дурными помыслами", тот принимает решение, тот предопределяет событие. Если это понять, сразу станет ясно: именно то надо называть правильным, к чему направляют себя, на что нацеливаются, на что решаются; и если существует дьявол, то не тот, кто против Бога, а тот, кто не принимает решения в вечности. Человек, для которого свобода обретает достоверность, не угнетен причинностью. Он знает, что его смертная жизнь по сути своей есть колебание между Ты и Оно, и понимает смысл этого. Ему довольно, что он может вновь и вновь вступить на порог святилища, задержаться на котором он не в силах; да и то, что он должен вновь и вновь покидать его, для него внутренне связано со смыслом и предназначением этой жизни. Там, на пороге, каждый раз заново вспыхивает в нем отклик, вспыхивает дух; здесь, в нечестивом и нищем краю, должна явить себя искра. То, что здесь называется необходимостью, не может испугать его; ибо там он познал подлинную судьбу.

Судьба и свобода обручены друг с другом. Только тот встречается с судьбой, кто достиг свободы. В том, что я нашел деяние, которое искало меня, в этом порыве моей свободы, раскрывается мне тайна: но и то, что я не могу свершить деяние так, как задумал его, в самом этом противодействии тоже раскрывается мне тайна. Кто забывает всякую причинную обусловленность и из глубины своей принимает решение, кто отвергает имущество и наряды и, обнаженный, предстает пред лицом; тому, свободному, как отражение его свободы, смотрит навстречу судьба. Это не предел его, а его осуществление; свобода и судьба многозначительно обнимают друг друга, и из этой значительности глядит судьба - глаза, только что еще строгие, полны света, - глядит как сама милость.

Нет, человека, который, неся искру, возвращается в мир Оно, не угнетает причинная необходимость. И от людей духа во времена здоровой жизни струится ко всему народу уверенность; ведь всем, даже самым ограниченным, случается хоть как-то - естественно, инстинктивно, неясно - пережить встречу. Настоящее; каждый где-то ощутил Ты; и вот дух дарует им свое покровительство.

Но в большие времена бывает, что мир Оно, более не пронизанный и не оплодотворенный, как живыми потоками, приливами мира Ты - изолированный и застывающий, как гигантский бездушный призрак, - подавляет человека. Довольствуясь миром объектов, которые более не превращаются для него в Настоящее, человек перестает сопротивляться этому миру. И тогда обычная причинность вырастает в угнетающий, подавляющий злой рок.

Каждая большая, охватывающая народы культура зиждется на некотором первоначальном событии-встрече, на прозвучавшем некогда у ее истока ответе, адресованном Ты, на сущностном акте духа. Этот акт, подкрепленный согласно направленными усилиями последующих поколений, создает свою, специфическую концепцию космоса в духе - только через этот акт космос становится вновь и вновь доступным для человека; только теперь может человек вновь и вновь, с легкой душой, строить (исходя из специфической концепции пространства) жилище для Бога и жилища для людей; может наполнить трепещущее время новыми гимнами и песнями и может придать форму самой общности людей. Но только до тех пор, пока он в собственной жизни владеет (воздействуя и испытывая воздействие) этим сущностным актом, пока он сам находится в отношении; до тех пор он свободен и способен творить. Если культура не имеет более своим центром живой, непрестанно обновляющийся процесс-отношение, она, застывая, превращается в мир Оно, в который лишь иногда вулканически прорываются пламенные деяния одиноких носителей духа. С этих пор обычная причинность, которая никогда раньше не могла быть препятствием духовной концепции космоса, вырастает в угнетающий, давящий рок. Мудрая судьба-мастер, которая в гармоническом согласии с полнотой смысла космоса господствовала над всякой причинностью, теперь превращается в абсурдный демонизм и сама погружается в причинность. Та самая карма, которую предки воспринимали как благое предопределение (ибо то, что нам удастся в этой жизни, в будущей поднимает нас в более высокие сферы), теперь заставляет осознавать себя как тиранию, ибо деяния прежней, неизвестной нам жизни заточили нас в темницу, из которой в этой жизни мы не в силах ускользнуть. Где прежде вздымался куполом исполненный смысла закон небосвода и на его светлой радуге висело веретено необходимости, там царит теперь, бессмысленно и поработавшая, сила планет; раньше нужно было только вверить себя небесному "пути", который являлся также и нашим путем, чтобы со свободным сердцем жить в полноте судьбы, - теперь же, что бы мы ни делали, нами правит, взваливая на каждую шею весь груз мертвой тяжести мира, чуждый духу рок. Бурно нарастающая жажда спасения остается - после разнообразных попыток - совершенно неутоленной, пока ее не утолит тот, кто учит, как вырваться из круговорота рождений, или тот, кто спасает покоровшиеся силе души - спасает в свободу детей Бога. Такое деяние вырастает из нового события-встречи, из его реализации; из нового, судьбоносного ответа человека своему Ты. При совершении этого центрального сущностного акта культура может смениться другой - которой он сообщит свое сияние, - но может и обновиться в себе самой.

Болезнь нашего века не похожа ни на одну из других; и она относится туда же, куда все они. История культур - не стадион вечности, где бегунам предназначено, одному за другим, бодро и не предчувствуя дурного, отмерять один и тот же круг смерти. Через взлеты и падения ведет безымянный путь. Не путь успехов и развития; спуск по спиральям духовной преисподней, который также может быть назван и подъемом - к самому потаенному, самому утонченному, самому запутанному, где уже нет никакого Вперед и - впервые - никакого Назад, а только неслыханное обращение: прорыв. Предстоит ли нам пройти путь до конца, до испытания последней тьмы? Но там, где опасность, там вызревает и спасение[2].

Биологическая и историософская мысль современности, сколь бы различными они ни казались друг другу, поработали совместно, чтобы создать веру в злой рок, более упорную и подавляющую, чем когда-либо. Та власть, что безраздельно правит судьбой человека, это уже не могущество кармы и не могущество звезд; многие силы претендуют на господство, но при верном взгляде станет ясно, что большинство современников верит в некую смесь из этих сил, как поздние римляне верили в смесь из богов. Это облегчается характером притязаний. Будь то "жизненный закон" всеобщей борьбы, в которой каждый должен либо сражаться, либо отказаться от жизни; или "закон души", по которому психика личности строится полностью из врожденных утилитарных инстинктов; или "общественный закон" неудержимого социального прогресса, который воля и сознание могут лишь сопровождать; или "культурный закон" неизменно равномерного возникновения и исчезновения исторических структур; и сколько бы еще ни было форм, такой закон всегда означает, что человек зажат в тиски процесса, от которого он не может защититься, а если может, то лишь в своем воображении. От засилья звезд освобождало мистическое освещение, от власти кармы - жертва брахмана, сопровождаемая познанием; в обоих случаях спасение было возможно. Но смешанный идол не оставляет надежды на освобождение. Считается безумием представлять себе возможной свободой; остается выбирать лишь между рабством по убеждению и рабством бесперспективно-бунтарским. Если в этих законах и идет речь о телеологическом развитии и органическом становлении, все же в основе их всех лежит одержимость последовательностью, т. е.

неограниченной причинностью. Догма постепенного развития событий - это капитуляция человека перед безудержно растущим миром Оно. Имя судьбы человек употребляет наверно: судьба - не колокол, опрокинутый над миром людей; лишь тот встречает ее, кто исходит из свободы. А догма последовательного течения событий не оставляет места свободе, не оставляет места самому проявлению ее, чья спокойная сила меняет лик земли: решительному повороту. Догма не знает человека, который, совершив решительный поворот, преодолевает всеобщую борьбу, рассеивает призрак утилитарных инстинктов и избавляется от заклания класса; который расшатывает надежные исторические структуры, обновляет и преображает их. Догма последовательности оставляет тебе в своей шахматной партии лишь такой выбор: соблюдать правила или нарушать их; но совершивший поворот опрокидывает фигуры. Догма всегда позволит тебе реализовать обусловленность в твоей жизни, а в душе оставаться "свободным"; но совершивший поворот считает такую свободу позорнейшим рабством.

Единственное, что может стать для человека злым роком, это вера в злой рок: она подавляет попытки поворота и обновления. Вера в злой рок есть с самого начала ересь. Всякая концепция последовательности течения событий есть лишь упорядочение того, что уже не более чем прошлое, упорядочение изолированных мировых событий, объективности, как истории; присутствие Ты в настоящем, становление из единства ей недоступно. Она не знает реальности духа, и ее схема для него непригодна. Пророчествование от объективности годится лишь для того, кто не знает Настоящего. Порабощенный миром Оно должен видеть в догме последовательного развития истину, которая действует с нарастающей отчетливостью; в действительности же эта догма лишь еще полнее подчиняет его миру Оно. Но мир Ты не заперт. Кто всем своим существом, с возродившейся способностью к отношению, войдет в него, тот познает свободу. И освободиться от веры в рабство - значит стать свободным.

* * *

Как над злым духом можно обрести власть, если окликнуть его настоящим именем, - так и с миром Оно. Еще только что столь зловеще возвышавшийся над слабым человеком, мир Оно уступает тому, кто познает его в его сущности: как отрыв и отчуждение того самого, из чьей переливающейся через край полноты выступает навстречу человеку всякое земное Ты; того, что подчас является человеку величественным и грозным, как богиня-мать, но всегда по-матерински.

- Но откуда же взять силы, чтобы назвать духа по имени, тому, у кого у самого внутри поселился призрак - утратившее реальность Я? Как может возродиться разрушенная способность к отношению там, где снова и снова разрушает и топчет обломки полный сил домовый? Как может воссоединить себя существо, беспрестанно гонимое по пустому кругу маниакальной страстью своего изолированного "Я"? Как может познать свободу тот, кто живет в своеволии?

Как сопряжены друг с другом свобода и судьба, так сопряжены своеволие и злой рок. Но свобода и судьба обручены друг с другом, и их объятие исполнено высшего смысла; своеволие и злой рок, домовый души и злой дух мира, терпят друг друга, обитая рядом и избегая друг друга, бездушно отстраняясь, не соприкасаясь, - пока в какой-то момент случайно не скрестятся взгляды и вырвется признание в не-спасенности.

Сколько витийствуют, сколько изощренной духовности тратят сегодня, чтобы избежать такой ситуации или хотя бы скрыть ее!

Воля свободного человека неподвластна произволу своеволия. Он верит в действительность; это значит: он верит в реальное единство реальной двойственности Я и Ты. Он верит в предопределение и в то, что оно нуждается в нем: не водит его на помочах, а ожидает его, он должен прийти к нему, хотя и не знает, где оно находится; он должен выйти навстречу всем своим существом - это он знает. Сбудется не так, как он решил; но то, что сбудется, сбудется лишь тогда, когда он решится на то, чего он может хотеть. Свою маленькую волю, несвободную, подвластную вещам и инстинктам, он должен принести в жертву своей большой воле, которая отвергает навязываемую ему определенность мира Оно и устремляется к предопределению. И тут он уже не вмешивается, но и не остается безучастным. Он прислушивается к самостановящемуся, к пути бытия в мире; не затем, чтобы его подхватил поток, а затем, чтобы самому воплотить бытие, воплотить так, как оно, нуждающееся в нем, хочет быть воплощенным - человеческим духом и человеческим деянием, человеческой жизнью и человеческой смертью. Я сказал: он верит. Но этим сказано: он встречает.

Своевольный человек не верит и не встречает.

Ему неведомо единство, он знает только лихорадочный мир там, снаружи, и свою лихорадочную жажду использовать его; нужно лишь дать использованию античное имя, и оно уже шествует среди богов. Когда он говорит "Ты", он подразумевает: "Ты, подлежащий моему употреблению"; и то, что он называет своим назначением, есть лишь оснащение и санкционирование его способности к использованию. У него нет подлинной судьбы; он подчинен определенности вещей и инстинктов и, чувствуя себя самодержцем, реализует ее произволом своего своеволия. У него нет великой воли, но только своеволие, которое он за нее выдает. Он совершенно не способен к жертве, хотя и может разглагольствовать об этом; ты узнаешь его по тому, что он

никогда не бывает конкретен. Он беспрестанно вмешивается, чтобы "дать вещам совершиться". Как же, говорит он, не подсобить предопределению, не применить для этого доступные средства? Подобным же образом смотрит он на свободного человека; он не в состоянии видеть иначе. Но у свободного нет разделения на цели и средства; у него лишь одна цель, одно решение: идти к своему предопределению. Он принял это решение, он будет время от времени - на каждом перепутье - обновлять его; но он скорее поверил бы, что мертв, чем в то, что решение великой воли окажется недостаточно сильным и будет нуждаться в поддержке средствами. Он верит: он встречается. А лишенный веры мозг своевольного человека не в состоянии вместить ничего, кроме неверия и своеволия, установления цели и измысливания средств. Без жертвы и без милости, без встречи и без Настоящего, уснащенный целями и средствами - таков его мир; никаким другим он не может быть; а это и есть злой рок. Так он, при всей своей суверенности, безнадежно завяз в нереальном; и он понимает это в те мгновения, когда осознает самого себя, поэтому он направляет лучшую часть своей духовности на то, чтобы предотвратить или хотя бы поглубже упрятать это осознание.

Но осознание падения, осознание утраты реальности Я и тоска по обретению Я подлинного, погружение в ту глубинную почву, которую человек называет отчаянием и из которой вырастает самоуничтожение и возрождение, могут стать началом обновления.

* * *

Однажды, как рассказывает Брахмана Ста Путей, был спор между богами и демонами. Сказали демоны: "Кому же принести нам наши жертвы?" И они положили их каждый в свой собственный рот. Боги же положили дары друг другу в рот. И тогда Праджapati, первичный дух, стал на сторону богов.

* * *

То, что мир Оно, предоставленный сам себе, а это означает: не затронутый и не расплавленный возникновением Ты, вырождается в призрак, - это понятно; но как происходит, что Я человека, как ты говоришь, утрачивает реальность? Пребывая ли в отношении или живя вне его, Я обретает достоверность для себя через свое самопознание - крепкую золотую нить, на которую нанизываются многообразные состояния. И если я говорю: "Я вижу тебя" или: "Я вижу дерево", то, быть может, неодинаково реально в обоих случаях "вижу", но одинаково реально "Я".

- Проверим, проверим себя, так ли это. Словесная форма ничего не доказывает: часто ведь сказанное "Ты" означает по существу Оно, которому говорят "Ты" по привычке или от тупости: и часто сказанное "Оно" означает по существу Ты, чье присутствие как бы отдаленно вспоминают всем своим существом; так и бесчисленные "Я" - лишь необходимое местоимение, полезное сокращение оборота "тот, кто говорит здесь". А самосознание? Если в одной фразе действительно подразумевается Ты отношения, а в другой - Оно познания, и, следовательно, в обеих действительно подразумевается Я: тождественно ли это Я тому, из чьего самосознания извлекаются обе фразы?

Я основного слова Я-Ты другое, чем Я основного слова Я-ОНО.

Я основного слова Я-ОНО проявляет себя как индивидуальность и осознает себя как субъект (познания и использования).

Я основного слова Я-Ты проявляет себя как личность и осознает себя как субъективность (без косвенного дополнения).

Индивидуальность выявляет себя, обособляясь от других индивидуальностей.

Личность выявляет себя, вступая в отношение с другими личностями.

Первая есть духовная форма природной разъединенности, вторая - природного единства.

Цель самообособления - познание и использование, а цель познания и использования - "жизнь", т. е. длящееся весь срок человеческой жизни умирание.

Цель отношения - само существование отношения, т. е. соприкосновение с Ты. Ибо, соприкасаясь с каждым Ты, мы смешиваем свое дыхание с дыханием Ты - дыханием вечности.

Кто находится в отношении, тот участвует в реальности, т. е. в бытии, которое не заключено целиком в отношении, но и не целиком пребывает вне его. Всякая реальность есть деятельность, в которой я участвую, но которую не могу присвоить себе. Где нет участия, нет реальности. Где есть присвоение, там нет реальности. Участие тем полнее, чем непосредственнее соприкосновение с Ты.

Я становится реальным через свое участие в реальности. Тем более реальным, чем полнее участие.

Но Я, которое выходит из события-отношения в изолированность и в ее осознание, не теряет своей реальности. Участие заложено и сохранено как потенция; другими словами - так говорят о высшем отношении, но это же справедливо для любого, - "в нем остается семя". Это область субъективности, где Я ощущает вместе и единство, ^ и свою изолированность. Подлинная субъективность может быть понята лишь динамически, как колебание Я в его тоске по истине. И здесь же источник, где зарождается и растет стремление ко все более

высокому, абсолютному отношению, к полноте участия в бытии. В субъективности зреет духовная субстанция личности.

Личность осознает самое себя как участвующую в бытии, как сосуществующую и через это - как существующую. Индивидуальность осознает самое себя как существующую так-и-не-иначе. Личность говорит: "Я есть", индивидуальность - "Я такова". "Познай самого себя" означает для личности: познай себя как бытие; для индивидуальности: познай свой способ бытия. Обособляясь от других, индивидуальность удаляется от бытия.

Этим вовсе не сказано, что личность в каком-то смысле "отказывается" от своей особости, от инакости своего бытия; однако для нее это не определяет окончательную перспективу, а лишь необходимую и исполненную смысла форму бытия. Индивидуальность, напротив того, упивается своей особостью, вернее, в большинстве случаев той фикцией, которую она себе изготовила. Потому что познать себя для нее почти всегда означает по существу вот что: сфабриковать иллюзию себя, обладающую убедительной силой и способную все глубже вводить в заблуждение ее самое - и в созерцании и почитании этой иллюзии создать себе видимость познания своего способа бытия; ибо подлинное познание привело бы к самоуничтожению или к возрождению.

Личность видит самое себя. Индивидуальность занята своим: мой характер, моя раса, мое творчество, мой гений.

Индивидуальность не принимает участия ни в какой реальности и не обретает никакой. Она обособляется от других и хочет через это приобрести как можно больше путем познания и использования. Это ее динамика: самообособление и присвоение, оба - в Оно, оба совершаются в нереальном. Субъект - а она так осознает себя сколько бы ни присвоил он себе, из этого не вырастает для него никакой субстанции, он остается точечным, функциональным; познающий, использующий, ничего больше. Весь его многосторонний и обширный способ бытия, вся его усердная "своеобразность" не могут доставить ему никакой субстанции.

Не существует двух разновидностей людей, но есть два полюса человечества.

Ни один человек не является в чистом виде личностью, ни один - в чистом виде индивидуальностью; ни один вполне реальным, ни один - вполне нереальным. Каждый живет в двойственном Я. Но есть люди, настолько личностно-определенные, что их можно назвать личностями, и настолько индивидуально-определенные, что их можно назвать индивидуальностями. Между теми и другими решается подлинная история.

Чем больше человек и все человечество поработаются индивидуальностью, тем глубже опускается Я в нереальность. В такие времена личность в человеке и в человечестве влачит подспудное, потаенное, как бы незаконное существование - пока к ней не воззовут.

* * *

Личность человека выражена тем полнее, чем сильнее в человеческой двойственности его Я - то, что принадлежит основному слову Я-Ты.

По тому, как он говорит Я, по тому, что он подразумевает, когда говорит Я, видно, куда относится человек и куда устремлен его путь. Слово Я - подлинный шиболет - тайный пароль рода человеческого[3].

Только прислушайтесь к нему!

Как дисгармонично Я индивидуальности! Оно может вызвать огромное сочувствие, если исходит из уст, трагически сомкнутых стремлением утаить внутреннее противоречие. Оно может вызвать ужас, если беспорядочно, необузданно и безоглядно вырывается из уст, выставляющих напоказ это противоречие. Если же оно исходит из уст тщеславных и многоречивых, оно жалко или отвратительно. Кто произносит Я акцентированно, обнажает срам мирового духа, приниженого до духовности.

Но как прекрасно и гармонично звучит такое живое, такое впечатляющее Я Сократа. Это - Я нескончаемой беседы, и ветер беседы овеивает его на всех его путях, даже перед судьями и даже в последние минуты заточения. Это Я жило в отношении к людям, воплощавшемся в диалоге, в беседе. Это Я не переставало верить в реальность людей и устремлялось навстречу им. И оно занимало свое место рядом с ними в реальности, и реальность уже не покидала его. Его одиночество не могло быть оставленностью; когда мир людей замолкал, его Я слышало голос своего даймона[4], говорившего Ты.

Как прекрасно и гармонично звучит наполненное Я Гете! Это Я чистого общения с природой; она беспрестанно говорит с ним, она открывает ему свои таинства, хотя и не выдает своей тайны. Это Я верит в нее и, говоря розе: "Так это ты", занимает рядом с ней свое место в единой реальности. От этого остается с ним, когда Я Гете возвращается к себе, дух реального: взгляд солнца запечатлевается в благословенном оке, осознающем свою лучезарность, и дружба стихий сопровождает этого человека в тишину смерти и становления.

Так звучит сквозь века "щедрая, истинная и чистая" Я-речь тех, кто познал единство с реальностью, личностей сократовского и гетевского типа.

И, забегаая вперед, укажем здесь на сферу абсолютного отношения: как покоряюща Я-речь Иисуса и как несомненно убедительна! Ибо это - Я абсолютного отношения, где человек свое Ты называет "Отцом", так, что сам он уже только сын, и никто иной. Когда бы он ни говорил Я, он может иметь в виду лишь Я святого основного

слова, которое для него вырастает в абсолютное. Если где-либо его затрагивает изолированность - единство пересиливает: и, только исходя из единства, говорит он с другими. Тщетно будете вы пытаться свести это Я к такому, которое сильно самим собою, или это Ты - к чему-то, что обитает в нас, т. е. опять-таки пытаться лишить реальности реальное, присутствующее в Настоящем отношении. Реальное - живо присутствующее отношение: Я и Ты остаются, каждый человек может говорить Ты, и когда он - Я, каждый человек может говорить Отец, и тогда он - сын; реальность остается.

* * *

Но что, если миссия человека требует от него, чтобы он не знал другого единства, кроме единства со своим Делом, и, следовательно, не знал бы реального отношения к Ты, не имел бы представления о Ты; чтобы все вокруг него превращалось в Оно - его Делу служащее Оно? Как насчет Я-речи Наполеона? Разве она незаконна? Разве этот феномен познания и использования не личность?

- На самом деле властелин века явно не знал измерения Ты. Это правильно выражает фраза: всякое существо было для него *valore*[5]. Он, который своих соратников, отрекшихся от него после его падения, мягко сравнивал с Петром, сам не имел никого, от кого бы он мог отречься, ибо он не имел никого, кого бы он воспринял как сущность. Он был демоническим Ты миллионов, не отвечающим, на Ты отвечающий Оно, не отвечающим в сфере личной, отвечающим только в своей сфере - в сфере своего Дела, только своими деяниями отвечающим. Это - стихийно-исторический барьер, где основное слово единства теряет свою реальность, свой характер взаимодействия: демоническое Ты, для которого никто не может стать Ты. Это третье по отношению к личности и индивидуальности, к свободному человеку и человеку своевольному, но не между ними, - это третье существует, фатально выступая в фатальные времена: кому все пламенеет навстречу и кто сам - в холодном огне; к кому ведут тысячи отношений и от кого - ни единого; кто не участвует ни в какой реальности и в ком без числа принимают участие как в реальности.

Конечно, он рассматривает окружающие его существа как машины, способные к различной деятельности, которые надлежит расчетливо использовать для Дела. Но и на себя самого он смотрит так же (только что свою работоспособность он вынужден каждый раз заново выяснять на опыте, и все-таки он не знает ее границ). И с самим собой он обращается как с Оно.

И поэтому его Я-речь не обладает живой впечатляющей силой и полнотой; но уж во всяком случае она не подделывает эти качества, как современная индивидуальность. Он совсем не говорит о себе, а только "от себя". Я, которое он произносит и пишет, - это необходимое подлежащее его постановлений и распоряжений, ни больше и ни меньше; у него нет субъективности, но нет и занятого своим способом бытия самосознания и уж, конечно, нет мании создавать иллюзию себя. "Я - часы, которые существуют и не знают себя" - так выразил он сам свою фатальность, реальность этого феномена и нереальность этого Я, выразил в то время, когда он был выброшен из своего Дела и когда впервые у него появилась потребность и возможность говорить о себе, думать о себе, впервые осознать свое Я, которое только тогда впервые проявилось. Проявившееся не было только субъектом, но и субъективности не достигло; расколдованное, но неспасенное, оно выразило себя в страшных, столь же гармоничных, сколь и дисгармоничных, словах: "Вселенная смотрит на нас!" В конце Я Наполеона снова погрузилось в тайну.

Кто бы осмелился, после такого пути и такого падения, утверждать, что он понял свою громадную, свою чудовищную миссию - или что он ее неверно понял? Несомненно, что эпоха, властелином и образцом которой стал демон, не знающий Настоящего, не понимает его. Она не знает, что здесь властвуют стечение обстоятельств и исполнение, а не пылкость силы и наслаждение силой. Она восторгается властительностью этого чела и не подозревает, какие знаки начертаны на нем - подобно числам на циферблате часов. Она старается подражать этому взгляду на существа, не понимая его вынужденности и необходимости, и подменяет деловую суровость этого Я пьянящим сознанием оригинальности. Слово "Я" остается шиболет человечества. Наполеон произносил его без способности к отношению, но он произносил его как Я некоего свершения. Кто пытается вторить ему, лишь выдает этим безысходность своего внутреннего противоречия.

* * *

Что такое внутреннее противоречие?

- Если человек не подтверждает жизнью априори отношения, врожденное Ты не проявляется и не воплощается в Ты встреченном, вместо этого обращаясь вовнутрь. Оно развивается в неестественном, невозможном объекте, в Я; это означает: оно развивается там, где для его развития совсем нет места. Так возникает противостояние в самом себе, которое не может быть отношением, Настоящим, струящимся взаимодействием, а только самопротиворечием. Человек может пытаться истолковать его как отношение, даже как религиозное, чтобы вырваться из ужаса самоудвоения; но он вынужден вновь и вновь обнаруживать

ложность такого толкования. Здесь - предел жизни. Здесь неосуществленное ищет убежища в нелепой видимости осуществления; оно пробивается ощупью в лабиринте и запутывается все сильнее.

* * *

Временами, когда человека охватывает ужас отчуждения между Я и миром, у него появляется мысль: нужно что-то сделать. Как в дурную полночь, когда лежишь, истерзанный снами наяву - оплоты разрушены, бездна вопиет, - и посреди терзаний ты замечаешь: еще существует жизнь, надо только пробиться к ней - но как, как?

Таков человек в часы осознания: ужасаясь, он ищет выхода, но не знает пути. Все же, быть может, он знает путь - совсем внутри, глубинным нежеланным знанием путь обновления, который ведет через жертву. Но он отвергает это знание; "мистическое" не выносит электрического света. Он призывает мысль; на нее он - не без оснований - крепко уповаает: она должна снова все привести в порядок. В этом ведь состоит высокое искусство мысли: нарисовать надежную и вполне правдоподобную картину мира. И вот он говорит своей мысли: "Посмотри на этого, с жестокими глазами, так устрашающе расположившегося здесь, - разве это не тот самый, с кем я когда-то играл? Знала бы ты, как он улыбался мне этими самыми глазами и какими добрыми они были! Посмотри на мое жалкое Я - признаюсь тебе: оно пусто и, что бы я с собой ни делал, при помощи познания и использования, это не заполняет его пустоту. Не помирись ли ты меня с ним снова, чтобы оно оставило меня в покое и чтобы я исцелился?" И мысль, услужливая и искусная, рисует с необычайной быстротой ряд - нет, два ряда картин, на правой и на левой стене. На одной простирается (скорее, совершается, ибо мысленные картины мира - отличный кинематограф) вселенная. Из круговращения звезд выныривает маленькая Земля, из копошения на земле выныривает маленький человек, и вот история несет его дальше сквозь времена, чтобы постоянно отстраивать заново муравейники культур, которые она растаптывает. Под цепью картин написано: "Одно и все". Другая стена - стена души. Пряжа прядет: орбиты всех звезд, и жизнь всех созданий, и всю историю мира; все это - из одной нити и не называется более: звезды, создания, мир, но: ощущения и представления или даже: переживания и душевные состояния. Под цепью картин написано: "Одно и все".

Если теперь человек снова когда-нибудь содрогнется в отчуждении и мир устроит его, он подымет взор (направо или налево - как постучится) и увидит картину. Там видит он, что Я вложено в мир и что Я, собственно, вовсе не существует, значит, мир не может сделать этому Я ничего плохого - и он успокаивается; или же он видит, что мир вложен в Я и что мир, собственно, вовсе не существует, значит, мир не может сделать этому Я ничего плохого - и он успокаивается. И в другой раз, когда человек содрогнется в отчуждении и Я устроит его, он подымет взор и увидит картину; и на какую бы он ни смотрел, все равно: пустое Я до краев напичкано миром, мировой поток захлестывает Я-ион успокаивается.

Но придет миг, и он близок, когда содрогнувшийся человек подымет взор и увидит внезапно, как при вспышке молнии, обе картины вместе. И он содрогнется.

* ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *

Продолженные линии отношений сходятся в вечном Ты.

Каждое единичное Ты - прозрение вечного Ты. Через каждое единичное Ты основное слово обращается к Ты вечному. Из этой посреднической роли Ты всех существ проистекает для них полнота (и неполнота) отношений. Врожденное Ты воплощается в каждом отношении и не свершается полностью ни в одном. Оно свершается лишь в прямом отношении к тому Ты, которое по своей природе не может превратиться в Оно.

Свое вечное Ты люди называли многими именами. Когда они пели о Нем, тем самым именуя Его, они всегда подразумевали вечное Ты: первые мифы были хвалебными песнопениями. Потом имена перешли в язык Оно; все сильнее влеките людей думать и говорить о своем вечном Ты как об Оно. Но все имена Бога остаются священными: ибо ими не только говорят о Боге, но и обращаются к Нему.

Многие хотят, чтобы не было позволено употреблять слово Бог, потому что им так злоупотребляют. И, без сомнения, из всех человеческих слов это - самое перегруженное. Именно поэтому оно - самое непреходящее и самое необходимое. И чего стоят все ложные речи о сущности Бога и Его творений (а никаких других не было и не может быть) по сравнению с единой истиной, что все люди, которые обращались к Богу, имели в виду Его самого? Ибо кто произносит слово Бог и действительно подразумевает Ты, и - какие бы заблуждения ни владели им - обращается к истинному Ты своей жизни, которое не может быть ограничено никаким другим и с которым он находится в отношении, охватывающем все остальные отношения.

Но и тот, кто презирает Имя и воображает себя безбожником, если он всем своим преданным существом обращается к Ты своей жизни как к такому, которое не может быть ограничено никаким другим, - он обращается к Богу.

* * *

Если мы идем по некоторому пути и навстречу нам попадается человек, тоже идущий по какому-то пути, то мы знаем лишь свою часть пути, но не его; его же путь мы воспринимаем лишь через встречу.

О полном событии-отношении мы знаем - так, как знают прожитое, - то, что мы вышли навстречу, нашу часть пути. На другую часть мы лишь наталкиваемся, мы ее не знаем. Мы наталкиваемся на нее во встрече. И мы надрываем свои силы, если пытаемся говорить о ней как о чем-то, находящемся вне отношений.

Чем нам приходится заниматься, о чем заботиться, это не другая, а наша сторона; не благодать, а воля. Благодать с нами тогда, когда мы выходим ей навстречу и пребываем в ее присутствии; нашим объектом она не является.

Ты вступает мне навстречу. Я же вступаю в прямое отношение с ним. Таким образом, отношение означает быть избранным и избрать страдательность и активность в одном. Ибо действие всего существа (приостанавливающее всякую частную деятельность и тем самым все лишь ее ограниченностью обусловленные - ощущения деятельности) должно походить на бездеятельность.

Это - деятельность ставшего цельным человека, которая именуется бездействием: когда ничто отдельное, ничто частное уже не волнует человека, и поэтому он больше не вмешивается в мир; когда действует цельный, в своей цельности замкнутый, в своей цельности покоящийся человек; когда человек стал действующей цельностью. Обрести такое устойчивое состояние - значит быть готовым выйти навстречу Высшему.

Для этого не требуется отбрасывать чувственный мир как мир кажимости. Нет мира кажимости, есть только мир, который, правда, кажется нам двойственным в силу двойственности нашей позиции. Надо лишь снять заклятие изолированности. Не нужно и никакого "выхода за пределы чувственного познания"; всякое познание, в том числе и духовное, может дать нам лишь Оно. Не требуется также обращаться к миру идей и ценностей: они не могут стать для нас Настоящим. Всего этого не нужно. Можно ли сказать, что же нужно? Да, но не в форме предписания. Все, что во все времена было придумано или открыто по части предписаний (рекомендуемые приготовления, практика самоуглубления и т.д.), не имеет никакого отношения к изначально простому факту встречи. То, что успехами в знаниях или в достижении могущества мы обязаны той или иной практике, все это не касается того, о чем здесь говорится. Все это имеет место в мире Оно и не выводит ни на шаг за его пределы. С помощью предписаний невозможно научить выходу навстречу. Его можно лишь указать, и вот каким образом: очертить круг, исключающий все, что не является им. Тогда станет очевидно единственное, что важно: полное принятие Настоящего.

Конечно, принятие Настоящего предполагает тем больший риск, тем более крутой поворот, чем дальше ушел человек в изолированное существование; но не отказ от Я, как обычно полагают мистики: Я необходимо как для любого отношения, так и для высшего, ибо отношение может осуществиться лишь между Я и Ты; необходим, следовательно, отказ не от Я, а от того ложного инстинкта самоутверждения, который побуждает человека бежать от ненадежного, лишённого плотности и длительности, недоступного обозрению, опасного мира отношений, бежать к обладанию вещами.

* * *

Всякое подлинное отношение к существу или к сущности в мире исключительно. Его Ты раскованно и выступает вперед, единственное, оно предстает перед тобой. Оно заполняет собою небосвод: не то чтобы не существовало ничего другого, но все другое живет в его свете. Пока длится отношение, эта его всеобщность остается неприкосновенной. Но как только Ты превращается в Оно, всеобщность отношения начинает казаться несправедливостью по отношению к миру, его исключительность - исключением из вселенной.

В отношении к Богу абсолютная исключительность и абсолютная всеохватность суть одно. Кто вступает в абсолютное отношение, того уже не касается ничто единичное, ни вещи, ни существа, ни земля, ни небо; но все включено в отношение. Ибо вступить в чистое отношение означает не закрыть глаза на все, но все видеть в Ты; не отказаться от мира, но обрести его истинную основу. Отвести взгляд от мира - это не поможет прийти к Богу; вперить взгляд в мир - тоже не поможет прийти к Нему; но кто видит мир в Нем, тот пребывает в Его присутствии. "Здесь мир, там Бог" - это Оно-речь; и "Бог в мире" - другая Оно-речь; ничего не исключать, ничего не оставлять за, все - весь мир заключить в Ты, дать миру его право и истину; не рядом с Богом, но все вложить в Него - вот совершенное отношение.

Бога не найти, оставаясь в мире, Его не найти, покинув мир. Кто всем существом выходит навстречу своему Ты и несет к нему все бытие мира, находит Его - того, кого нельзя искать.

Конечно, Бог - "Другой"; но он и всецело Тот-же-Самый, всецело присутствующий. Конечно, Он - *Mysterium Tremendum*[6], Кто являет Себя и повергает ниц; но Он и тайна самоочевидного, которая мне ближе, чем мое Я.

Если ты исследуешь жизнь вещей и обусловленное бытие, ты приходишь к Непостижимому; если отвергаешь жизнь вещей и обусловленное бытие, ты оказываешься перед Ничто, если ты освящаешь жизнь, ты встречаешь Бога живого.

* * *

Чувство ты в человеке, которое в отношениях с каждым отдельным Ты сталкивается с разочарованием превращения в Оно, стремится перерасти пределы отдельных отношений, стремится к своему вечному Ты. Не так, как ищут что-то: в действительности не существует никаких поисков Бога, ибо не существует ничего, в чем Его нельзя было бы найти. Сколь безумен и безнадежен тот, кто оставляет путь своей жизни, чтобы искать Бога; даже если он овладеет всей мудростью одиночества и всем могуществом самоконцентрации, ему не встретить Его. Скорее так: человек идет своим путем и хочет лишь, чтобы это был путь; в силе этого желания выражается его стремление. Каждое событие-отношение - это такая точка пути, где ему открывается проблеск совершенства: поэтому в каждом из них он непричастен Одному - но и причастен тоже; ибо он в ожидании. В ожидании, но не в поисках, идет он своим путем; отсюда его терпимость ко всем вещам и бескорыстный контакт с ними. Но и когда он нашел, его сердце не отворачивается от них, хотя теперь он все видит в Одном. Он благословляет все обители, дававшие ему уют, и все те, которые он еще посетит. Ибо это "нашел" - не конец пути, а его вечная середина.

Это обретение без поисков: открытие самого изначального, открытие начала. Чувству Ты, которое не может насытиться, пока не находит бесконечное Ты, с самого начала ведомо Его присутствие: это присутствие должно было лишь стать вполне реальным - через реальность освященной жизни мира.

Неверно, что Бога можно извлечь из чего-либо: например, из природы - как ее Творца, из истории - как ее Кормчего, или еще из субъекта - как то Я, которое мыслит себя в Нем. Неверно, что дано что-либо "другое" и лишь затем Его выводят из этого; нет. Он - непосредственно, изначальное и всегда предстоящее пред нами Сущее; Тот, к Кому, по сути, можно лишь обращаться, но выразить Его словами - нельзя.

* * *

Существенным элементом отношения к Богу объявляют чувство, которое называют чувством зависимости, а в наше время - более точно - чувством приниженности. Выделить и определить этот элемент нужно, но непомерное его акцентирование ведет к неправильному пониманию характера совершенного отношения.

То, что было уже сказано о любви, еще более непреложно справедливо здесь; чувства лишь сопровождают факт отношения, который совершается не в душе, но между Я и Ты. Каким бы значительным ни казалось чувство, оно все еще подчинено динамике души, где одно перегоняет, превосходит, вытесняет другое; оно расположено в отличие от отношения - в пределах некой шкалы. И прежде всего каждое чувство занимает свое место внутри некой полярно-напряженной системы: оно получает свою окраску и свое значение не только из себя самого, но и из своей полярной противоположности; каждое чувство контрастно-обусловлено. И вот абсолютное отношение, которое в действительности включает в себя все относительное и уже не есть часть, как они, но целое - как завершение и объединение их всех, - психологизируется и релятивизируется, так как его сводят к изолированному и ограниченному чувству.

Исходя из души, совершенное отношение может быть понято только биполярно, только как *coincidentia oppositorum*, как единство противоположных чувств. Конечно, часто один из полюсов - подавляемый основной религиозной установкой личности - ускользает от рефлектирующего сознания; он может быть выявлен лишь чистейшим, свободным от предвзятости созерцанием сокровенных глубин существования.

Да, в чистом отношении ты чувствовал себя совершенно зависимым, как не можешь чувствовать ни в каком другом, - и совершенно свободным тоже, как никогда и нигде больше: тварью - и творцом. Там уже не было одного, ограниченного другим, но оба - безграничные и оба - вместе.

То, что Бог тебе нужен больше всего на свете, ты в сердце своем знаешь всегда; но разве не знаешь ты, что и ты нужен Богу, в полноте его вечности - ты? Как же существовал бы человек, если бы он не нужен был Богу, и как существовал бы ты? Ты нуждаешься в Боге, чтобы существовать, и Бог нуждается в тебе - для того самого, что есть смысл твоей жизни. Поучения и стихи тщатся сказать больше и говорят лишнее: что за жалкая и напыщенная болтовня о "становящемся Боге" - но есть становление Бога Сущего, это мы знаем непреложно в сердце своем. Мир - не забава Бога, он - Его судьба. То, что существует человек, человеческая личность, ты и я, имеет божественный смысл.

Творение - оно происходит с нами, оно пламенем внедряется в нас, пламенем охватывает нас, мы трепещем и слабеем, мы покоряемся Творению - мы участвуем в нем, мы встречаем Творца, отдаем Ему себя, помощники и сподвижники.

Двое великих слуг проходят сквозь времена: молитва и жертва. Молящийся склоняется трепещущим, в безграничном смирении и знает, что он - непостижимым образом воздействует на Бога, даже если ничего не просит для себя: ибо тогда, когда он уже ничего более не ищет для себя, тогда видит он, как растет его воздействие, разгораясь как пламя. А приносящий жертву? Я не могу презирать его, усердного служителя прежних времен, который думал, что Бог жаждет запаха его всеожожения: он знал безрассудным и могущественным знанием, что давать Богу - можно и должно; и это же знает и тот, кто приносит в жертву Богу свою маленькую волю и встречает Его в усилении своей большой воли. "Да будет воля Твоя!" не больше этого, говорит он, но истина говорит за него дальше - "через меня, в ком Ты нуждаешься". Что отличает жертву и молитву от всяческой магии? Магия хочет воздействовать, не вступая в отношение, и упражняет свое мастерство в пустоте; молитва же и жертвоприношение являются "пред Ликом" во исполнение святого основного слова, которое отличает взаимность. Они произносят Ты и слышат ответ.

Стремиться понимать чистое отношение как зависимость - значит стремиться лишиться реальности одного из его носителей, а тем самым и само отношение.

* * *

Мы приходим к тому же, если взять за отправную противоположную точку зрения и считать существенным элементом религиозного акта погружение в себя (путем ли освобождения себя от всего, что связано с Я, или же путем восприятия себя как единой мыслящей сущности). Первый подход подразумевает, что Бог входит в существо, освобожденное от Я, или оно растворяется в Боге; второй что оно находится непосредственно в самом себе как в Божественном Едином; первый, следовательно, подразумевает, что в некий высший момент Ты-речь прекращается, так как больше нет дуализма, второй - что Ты-речи на самом деле вообще не существует, так как нет дуализма по сути; первый подход - вера в объединение, второй в идентичность человеческого и Божественного. Оба устремлены к трансцендентному, по ту сторону Я и Ты, первый - к возникающему в экстазе, второй - к существующему и раскрывающему себя в самосозерцании мыслящего субъекта.

Оба они уничтожают отношение: первый - как бы динамически: Ты поглощает Я, и теперь это уже не Ты, а Единственно-Сущее; второе - как бы статически: Я, растворившееся в Себе осознает себя как Единственно-Сущее. Если доктрина зависимости считает Я (одну из опор мирового свода - чистого отношения) настолько слабым, что его несущей способности уже нельзя больше доверять, то одна из доктрин погружения заставляет этот свод исчезнуть в ее завершении, другая относится к нему как к иллюзии, которую следует преодолеть.

Доктрины погружения ссылаются на известные словесные формулы самоотождествления; одна - прежде всего на Иоанново "Я и Отец суть одно", другая - на поучение Шандильи: "Всеобъемлющее - это мое Я в глубине моего сердца"[7].

Пути, указываемые этими формулами, противоположны друг другу. Первая берет свое начало (после подземного вызревания) в жизни мистической личности и развивается в учение; вторая зарождается как учение и выливается в мистическую жизнь личности. На каждом из этих направлений меняется сам характер формулы. Христос Иоанновой традиции - однажды ставшее плотью слово - ведет к экхартовскому Христу, которого Бог постоянно порождает в человеческой душе. Формула коронации Себя в Упанишадах: "Что реально - это Я Сам, а Ты - это Я Сам" - ведет - гораздо более прямо - к буддистской формуле низложения: "Истинно и реально овладеть Собой (и относящимся к Себе) - невозможно".

Начало и конец каждого пути требуют отдельного рассмотрения.

То, что ссылка на "суть одно" необоснованна, станет очевидным каждому, кто прочтет непредвзято, часть за частью. Евангелие от Иоанна. Это подлинно Евангелие чистого отношения. Здесь более истинное, чем знаменитый мистический стих: "Ты - это я и я - это ты". Отец и сын, равносущие, мы позволим себе сказать - Бог и человек; равносущие - неразделимо-реальные Двое, два носителя первичного отношения, которое от Бога к человеку означает призыв и повеление, от человека к Богу созерцание и приятие, между обоими оно означает понимание и любовь. В этом отношении сын, хотя Отец живет и действует в нем, склоняется перед "превосходящим" и молится ему. Все новейшие попытки истолковать по-другому эту изначальную реальность диалога - истолковать как взаимосвязь Я с самим собой или как событие, вмещающееся в самодостаточной внутренней жизни человека, тщетны: все они относятся к безнадежной истории уничтожения реальности.

- А мистика? Она рассказывает, как переживают единство без раздвоения. Допустимо ли подвергать сомнению правдивость ее рассказа?

- Я знаю не один, а два случая, когда уже не ощущают раздвоения. Мистика путает их в своих речах; и я это сделал однажды.

Первый - когда душа становится единой. Это происходит не между человеком и Богом, но в человеке. Силы сосредоточиваются в центре, все, что хочет отвлечь их, преодолевается, существо одиноко пребывает в

самом себе и ликует, как говорит Парацельс, в своей экзальтации. Это решающий момент для человека. Без него человек непригоден к работе души. В этот момент в сокровенной глубине его существа решается: это передышка или чаемое завершение. Человек может, сосредоточивши в единство, выйти на встречу, теперь впервые вполне доступную, на встречу с тайной и спасением. Но он может также, вкусив блаженство сосредоточенности, отказаться от высшего долга и вернуться в распыленность. Все на нашем пути влечет за собой принятие решения: целенаправленного или смутно осознаваемого, наконец, совершенно непостижимого; в сокровенной глубине нашего существа коренится извечно таинственное и судьбоносное решение.

Второй - вытекает из непостижимой особенности самого акта отношения - в нем двое кажутся одним: "Когда один и один объединены, обнаженность излучается в обнаженность". Я и Ты тонут, человеческое, только что еще противостоявшее Божественному, поглощается Им - все заполняют прославление, обожествление, единство бытия. Но когда человек, просветленный и обессиленный, возвращается в суету земных забот и мудрым сердцем осознает и то и другое, - не должно ли тогда для него бытие расщепиться, так что одна часть окажется во власти безнадежности? Чем поможет моей душе то, что она снова сумеет уйти из этого мира в единство, раз сам этот мир с необходимостью остается совершенно чуждым единству, - что толку от всего этого "Божественного упоения" в жизни, разорванной надвое? Если тот безмерно щедрый небесный миг никак не связан с моим убогим земным мгновением, - что он тогда для меня, если я должен еще жить, перед лицом всех опасностей должен жить на земле? Можно поэтому понять тех учителей, которые отвергают блаженство экстаза "единения".

Единения, которое не было единением Я, возьму в качестве примера людей, которые в пылу осуществленного эроса настолько упоены чудом объятия, что для них осознание Я и Ты исчезает в чувстве единства - которого нет и не может быть. То, что экстазик называет единением, - это захватывающая динамика отношения; не единство, возникающее в данный момент мирового времени и сплавляющее в одно Я и Ты, но динамика самого отношения, которая может явить себя его носителям, пребывающим в незыблемом противостоянии. Здесь властвует тогда предельное преувеличение акта отношения; само отношение, его животворное единство, воспринимается так остро, что стороны отношения блекнут рядом с ним, что за его жизнью забываются Я и Ты, между которыми оно возникло. Здесь - одно из предельных явлений; реальность простирается до некоего предела и там тускнеет. Но величественнее, чем все загадочные сплетения на границах бытия, для нас центральная реальность обычного земного часа - солнечный блик на ветке клена и предчувствие вечного Ты.

Это, однако, расходится с утверждением другой доктрины погружения: о том, что всеобщее бытие и собственное бытие суть одно и то же, и потому никакая Ты-речь не может принести с собой последней реальности.

Ответ на это утверждение дает само учение. Одна из Упанишад рассказывает, как вождь богов Индра приходит к Праджапати, созидающему духу, чтобы узнать, как найти и различить свое Я. Индра проводит столетие в ученичестве, дважды его отсылают с неудовлетворительной информацией, пока наконец ему не дается правильная: "Если человек покоится в глубоком сне, без сновидений, это - его Я, это - Бессмертное, Достоверное, Всеобщее Бытие". Индра отправляется в путь, но скоро им овладевает сомнение; он возвращается и спрашивает: "Но в таком состоянии, о Высочайший, человек ведь не знает о себе: "Это я" - и не знает: "Они - существа". Человек предан уничтожению. Я не вижу здесь ничего обнадеживающего". - "Именно так, - ответил Праджапати, - это действительно так".

Поскольку учение содержит высказывания об истинном бытии, постольку оно (как это всегда бывает с его - в этой жизни выяснению не поддающимся - подлинным содержанием) не имеет ничего общего с переживаемой реальностью; ибо и ее оно вынуждено низвести до мира кажимости. И поскольку учение содержит руководство к погружению в истинное бытие, постольку оно ведет не в переживаемую реальность, а в "уничтожение", где не властвует никакое сознание, откуда не ведут никакие воспоминания; человек, вышедший оттуда, может все еще провозглашать - как знак своего опыта - пограничное слово: "Двойственность отсутствует", но он не имеет права называть это единством.

Мы же хотим свято блюсти святое благо нашей реальности, которая дана нам в дар для этой - и, быть может, ни для какой другой, более близкой к истине - жизни.

В переживаемой реальности нет единства бытия. Действительность существует лишь в действенном поступке, ее мощь и глубина в нем. И "внутренняя" реальность существует, лишь если есть взаимодействие. Самая мощная и глубокая реальность там, где все включается в действенный поступок - весь человек без остатка и всеобъемлющий Бог - ставшее единым Я и безграничное Ты.

Единое Я: ибо в переживаемой реальности существует (я уже говорил об этом) единение души, сосредоточение сил, решающий момент для человека. Но в ней нет, как при том погружении, отказа от реальной личности. Погружение хочет сохранить лишь "чистое", подлинное, долговечное, а все остальное - отбросить; сосредоточение не считает инстинктивное - слишком нечистым, чувственное - слишком поверхностным, эмоциональное - слишком быстротечным; все должно быть включено и подчинено. Сосредоточение хочет не отвлеченного Я, но цельного, необедненного человека. Оно стремится к реальности, и оно есть реальность.

Доктрина погружения предписывает и обещает уход в Единое мыслящее Сущее ("то, посредством чего мыслится этот мир"), в чистый субъект. Но в переживаемой реальности нет мысли без того, что мыслится; напротив, здесь мыслящий зависит от того, что мыслится, не в меньшей степени, чем оно - от него. Субъект, который освобождается от объекта, уничтожает себя как реальность. Мыслящий в себе существует - в мысли, как ее продукт и предмет как пограничное понятие, не связанное ни с каким представлением; затем, в предвосхищающем определении смерти, вместо которой можно подразумевать и ее подобие - почти столь же непроницаемый глубокий сон; и, наконец, в провозглашении доктрины о подобном глубокому сну состоянии погружения, которое по своей природе лишено сознания и памяти. Это - высочайшие вершины Оно-речи. Нужно уважать возвышенную силу их отречения, но в то же время видеть в них все же то, что самое большее, надо лишь испытать, но не то, чем надо жить.

Будда, "свершившийся" и свершитель, не высказывает утверждений. Он отказывается утверждать, что единство есть или что его нет, что прошедший через все испытания погружения будет после смерти пребывать в единстве или что он не обретет его. Этот отказ, это "благородное молчание" объясняют двояко; теоретически тем, что завершение исключает уже категории мышления и высказывания; практически тем, что обнажение его сущностного содержания не создаст истинно святой жизни. Оба эти объяснения выражают одну и ту же истину; кто обращается с Сущим как с объектом некоторого высказывания, тот увлекает его в расщепленность, в противоречивость мира. Оно - в котором нет святой жизни. "Если (о, монахи!) господствует мнение, что душа и тело сущностно едины, то нет святой жизни, если же господствует мнение, что душа - это одно, а тело - другое, то и тогда нет святой жизни". В мистерии, воспринимаемой как переживаемая реальность, властвуют не "это так" и не "это не так", не "бытие" и не "небытие", но "так-и-по-другому", "бытие-и-небытие", властвует нерасторжимое. Нераздельно противостоять нераздельной тайне - коренное условие спасения. Что Будда относится к тем, кто это познал, - несомненно. Как всякий истинный учитель, он хотел учить не мнениям, но пути. Только одно утверждение он оспаривает - утверждение "глупцов", что нет поступков, нет деяний, нет силы и что при всем том "и можно двигаться по пути". Только одно утверждение он отваживается высказать - решающее: "Существует (о, монахи!) нерожденное, невозникшее, несозданное, несформированное". Если бы его не существовало - не было бы цели; оно существует - путь имеет цель.

До сих пор мы можем следовать за Буддой, оставаясь верными истине нашей встречи; но следующий шаг был бы изменой реальности нашей жизни. Ибо из истины и реальности, которую мы не извлекаем из самих себя она дана нам и предназначена, - мы знаем: если это лишь одна из целей, то она не может быть нашей; если это - цель, то она неверно указана. И еще: если это - одна из целей, путь мог бы привести к ней; если это цель - то путь, самое большее, приближает к ней.

Цель Будда определяет как "прекращение страданий", т. е. возникновения и уничтожения: освобождение из круговорота рождений. "Отныне нет возвращения" - вот формула того, кто освободился от жажды жизни и тем самым от необходимости возрождаться вновь и вновь. Мы не знаем, есть ли возвращение; линию временного измерения, в котором мы живем, мы не продолжаем за пределы этой жизни и не пытаемся выяснить то, что откроется нам в свой срок и по своим законам; но если бы мы знали, что есть возвращение, мы не стремились бы избежать его; и не вульгарной жизни хотели бы мы, но права - в каждой жизни соответствующим ей способом и на ее языке - произносить вечное Я преходящего и вечное Ты непреходящего.

Приводит ли Будда к избавлению от необходимости возвращаться, мы не знаем. Он определенно приводит к промежуточной цели, которая касается и нас: к единению души. Но он ведет к ней, оставляя в стороне не только "дебри мнений" - это необходимо, - но и "иллюзию форм", которая для нас вовсе не иллюзия (несмотря на все субъективные парадоксы восприятия, которые мы относим туда же), а внушающий доверие мир; и сам его путь-это путь игнорирования, и если, например, он предлагает нам познать процессы, протекающие в нашем теле, он подразумевает при этом нечто почти противоположное нашему чувственно достоверному познанию плоти. И он не ведет ставшее единым существо к той высшей Ты-речи, которая стала возможной для него. Как представляется, его решение по сути своей доходит до отказа от способности говорить Ты.

Будда знает Ты-речь, обращенную к человеку, - об этом свидетельствует очень высокомерное, но и очень непосредственное обращение с учениками, - но он не учит ей; ибо эта любовь, означающая: "все, что возникло, безраздельно заключено в груди" - не знает простого противостояния одного существа другому. Конечно, в глубине своего молчания он знает Ты-речь, обращенную к первопричине, поверх всех "богов", с которыми он обращается как с учениками. Его деяние вышло из материализовавшегося события-отношения, и оно - тоже ответ своему Ты; но этого ответа он не произносит.

Однако его последователи, "великая колесница", великолепно опровергли его. Они обратились к вечному Ты - под именем Будды. И они ожидают, как грядущего Будду, последнего в этой вечности, - того, кто осуществит любовь.

Всякая доктрина погружения основана на великом заблуждении обращенного вовнутрь человеческого духа, что дух свершается в человеке. В действительности он свершается "из человека" - между человеком и тем, что не есть он. Отказываясь от этого своего смысла, связанного с отношением, обращенный вовнутрь дух

вынужден включать в человека то, что не является человеком: мир и Бога он вынужден превратить в функцию души. Это - заблуждение духа о душе.

"Я возвещаю, друг, - говорит Будда, - что в этом, в сажень величиной, обремененном чувствами теле аскета обитает мир, и начало мира, и конец мира, и путь, который ведет к концу мира".

Это верно, но в конечном счете перестает быть верным.

Конечно, мир "обитает" во мне как представление, а я в нем - как вещь. Но это еще не значит, что он во мне или что я - в нем. Он и я взаимно включены друг в друга. Это мысленное противоречие, имманентное. Оно-состояние, снимается Ты-состоянием, которое освобождает меня от мира, чтобы соединить меня с ним. Чувство себя, которое невозможно включить в мир, я несу в себе.

Чувство бытия, которое невозможно включить в представление, мир несет в себе. Однако второе не мыслимая "воля", но вся самобытность мира, так же как первое - не "сознающий субъект", но вся самобытность Я. Здесь невозможна дальнейшая "редукция"; кто не чит последние элементы, тот уничтожает лишь доступный его вниманию (а не содержащийся в них) смысл.

Начало и конец мира не во мне; но они и не вне меня; их вообще нет - они в постоянном свершении, которое связано и со мной, зависит и от меня, от моей жизни, от моего решения, от моего труда, от моего служения. Но не от того, "утверждаю" или "отрицаю" я в своей душе мир, а от того, насколько я побуждаю позицию своей души в мире становиться жизнью, воздействующей на мир, реальной жизнью, а в реальной жизни могут скрещиваться пути самых разных душевных позиций. Тот же, кто свою позицию лишь "переживает", осуществляет лишь в душе, - сколь бы глубок он ни был лишен мира, и все его ухищрения, искусство, опьянение, энтузиазм, все его тайны не могут коснуться и кожи мира. Пока человек спасается в самом себе, он не может принести миру ни радости, ни горя; миру нет дела до него. Лишь тому, кто верит в мир, дано взаимодействовать с ним; и если он отдается этому взаимодействию, он не может оставаться безбожным. Если мы любим реальный мир, который никогда не даст себя уничтожить, любим реально, во всем его ужасе; если только мы отваживаемся заключить его в объятия нашего духа, - наши руки встретят другие, которые сплетутся с ними.

Я ничего не знаю о "мире" и о "мирской жизни", которые якобы отделяют человека от Бога; то, что под этим имеют в виду, есть жизнь в отчужденном мире Оно, познающая и использующая. Кто воистину выходит навстречу миру, тот выходит навстречу Богу. Сосредоточение и выход навстречу необходимы, оба воистину сразу одно-и-другое, т. е. именно Одно.

Бог заключает в Себе вселенную, но не является ею; и также Бог включает в Себя мое Я, но не является им. Вот это, словами невыразимое, позволяет мне на моем языке, как каждому - на своем, говорить Ты; в силу этого существуют Я и Ты, существует диалог, существует дух, существует язык (речь - первичный акт духа); существует в вечности слово.

* * *

"Религиозной" ситуации человека, его пребыванию в Присутствии, свойственная сущностная неразрешимая антиномия. Сущность этой антиномии - в ее неразрешимости. Кто принимает тезис и отвергает антитезис, искажает смысл ситуации. Кто пытается мыслить синтез, тот разрушает смысл ситуации. Кто пытается релятивизировать антиномию, тот выхолащивает ситуацию. Кто пытается как-либо иначе, чем своей жизнью, разрешить этот конфликт, тот совершает преступление по отношению к смыслу ситуации. Смысл ситуации в том, что она, во всей своей антиномичности, переживается, и только переживается, опять и опять, и всегда заново, непредвидимо, непредсказуемо, непредопределимо переживается.

Сравнение религиозной антиномии с философской сделает это более ясным. Кант мог релятивизировать философский конфликт между необходимостью и свободой, отнеся первую к миру явлений, а вторую - к миру сущностей, так что они уже не противоречили друг другу, а скорее соотносились, как те области, в которых они действуют. Но если я рассматриваю необходимость и свободу не в мыслимых мирах, а в реальности моего пребывания пред Богом; если я знаю: "Я отдал себя" и в то же время знаю: "Это зависит от меня", тогда я не вправе пытаться уйти от парадокса путем отнесения двух несовместимых положений к двум различным сферам действия; тогда я не вправе добывать себе абстрактное умиротворение с помощью каких-либо теологических уловок; я должен принять их оба - пережить их совместно; и, переживаемые, они суть одно.

* * *

Глаза животных наделены способностью говорить необычайным языком. Независимо от содействия звуков и жестов - только взглядом и поэтому наиболее впечатляюще, - глаза животных выражают тайну их заточения в природе, их страстное желание становления[8]. Это таинственное состояние ведомо только животным, только они могут приоткрыть его нам - состояние, которое позволяет лишь приоткрыть себя, но не раскрыть до конца. Язык, которым оно говорит о себе, есть то, что он выражает: страстное желание - метание твари между надежным растительным царством и царством духовного риска. Этот язык есть запинание природы

при первом прикосновении духа - перед тем как она отдастся его космической авантюре, которую мы называем человеком. Но никакая речь никогда не воспроизведет то, что дано знать и засвидетельствовать запинанию.

Иногда я смотрю в глаза домашней кошке. Не то чтобы прирученный зверь получил от нас (как нам иногда представляется) дар истинно "говорящего" взгляда: нет, он получил лишь ценой утраты своей первоначальной непринужденности - способность обращать свой взгляд на нас - чудовищ. Но вместе с тем в этом взгляде, в его предрассветных сумерках и потом в его восходе, проступает нечто от изумления и вопроса - чего совершенно нет в тревожном взгляде неприрученного зверя. Эта кошка начинала обязательно с того, что своим взглядом, загорающимся от моего прикосновения, спрашивала меня: "Возможно ли, что ты имеешь в виду меня? Правда ли, что ты не просто хочешь, чтобы я позабавила тебя? Разве есть тебе дело до меня? Присутствую ли я для тебя? Здесь ли я? Что это, что исходит от тебя? Что это объемлет меня? Что это во мне? Что это?!" (Здесь Я заменитель отсутствующего у нас слова, смысл которого обозначение себя без "ego", без "Я"; под "это" следует понимать струящийся человеческий взгляд во всей реальности его способности к отношению.) Только что так великолепно расцвел взгляд зверя, язык страстной тоски и вот он уже закатился. Мой взгляд, конечно, длился дольше; но это уже не был струящийся человеческий взгляд.

Поворот земной оси, с которым началось событие-отношение, почти сразу сменился другим, который его завершил. Только что мир Оно окружал меня и зверя; потом излилось из глубин сияние мира Ты - пока длился взгляд - и вот уже оно погасло, потонуло в мире Оно.

Рассказ об этом маленьком эпизоде, который повторялся со мной несколько раз, - это свидетельство о языке этих почти неуловимых восходов и закатов духа. Нигде больше не ощущал я с такой силой недолговечность реальности отношения с существом, возвышенную печаль нашего жребия, роковое превращение в Оно всякого единичного Ты. Потому что в других случаях между утром и вечером события был свой, хотя бы и короткий, день; здесь же утро и вечер безжалостно сливались друг с другом, светлое Ты явилось - и исчезло; было ли на самом деле снято с нас, с меня и зверя, бремя Оно, пока длился взгляд? Я все же мог потом размышлять об этом, а зверь из запинания своего взгляда погрузился обратно в тревогу - без языка и почти без воспоминаний.

О, как он мощен, континуум мира Оно, и как хрупки проявления Ты!

Сколь многое не в силах пробить корку вещественности! О, кусок слюды, глядя на который я понял однажды, что Я не есть нечто "во мне", - с тобой Я все же был связан, хотя лишь во мне; лишь во мне, а не между мной и тобой, происходило это тогда. Когда же некто подымается из вечности, живой, и становится существом для меня, и направляется ко мне, в близость и в речь, сколь неумолимо кратко время, когда он для меня Ты и ничто другое! Это не отношение с необходимостью ослабеваает здесь, но реальность его непосредственности. Сама любовь не может постоянно пребывать в непосредственном отношении; она длится, но в смене реальности и латентности. Каждому Ты в этом мире по сути своей предписано превратиться для нас в вещь или по меньшей мере вновь и вновь возвращаться в вещьность.

Только в одном, во всеобъемлющем отношении, латентность тоже реальна. Только одно Ты по самой сути Своей никогда не перестает быть для нас Ты. Конечно, тот, кто знает Бога, знает и удаленность Бога, и муку, иссушающую испуганное сердце, но утрату Присутствия никогда. Только мы - не всегда здесь.

Любящий из Vita Nova верно и справедливо говорит чаще всего Ella и лишь иногда - Voi. Созерцатель из Paradiso, когда он произносит Colui, говорит - из поэтической необходимости - иносказательно, и знает это.[9] Называют ли Бога Он или Оно, это всегда аллегория. Когда же мы говорим Ему Ты - смертный разум выражает в слове неразрушимую истину мироздания.

* * *

Всякое подлинное отношение в мире исключительно. Чуждое вторгается в него и мстит ему за его исключительность. Лишь в отношении к Богу абсолютная исключительность и абсолютная всеохватность суть одно, обнимающее собою вселенную. Всякое подлинное отношение в мире зиждется на индивидуализации; она - его блаженство, ибо только так совершается взаимное познание отличными друг от друга существами, и она - его ограничение, ибо так невозможно вполне познать и быть вполне познанным. Но в абсолютном отношении мое Ты объемлет меня, не будучи мной; мое ограниченное познание расцветает в безграничной познанности. Всякое подлинное отношение в мире осуществляется в смене реального и латентного, всякое единичное Ты должно окуклиться в Оно, чтобы потом вновь обрести крылья. В чистом же отношении латентность - лишь вздох, цезура реальности, и Ты остается присутствующим. Вечное Ты является им по сути своей; и только наша природа заставляет нас влачить его в мир Оно и в Оно-речь.

* * *

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени.

Мир Ты не обладает в обоих никакой связностью.

Его связность реализуется в Центре, там, где сходятся продолженные линии отношений: в вечном Ты.

В великом преимуществе чистого отношения уничтожаются преимущества мира Оно. Благодаря этому существует континуум мира Ты: изолированные моменты отношений соединяются в жизнь мирового единства. Благодаря ему мир Ты обладает формирующей силой: дух может пронизывать и преобразовать мир Оно. Благодаря ему мы не отданы во власть отчуждению от мира, утрате реальности Я, не отданы во власть призрачного. Поворот-обновление означает, что снова узнают Центр, снова устремляют себя к нему. В этом сущностном акте возрождается оскудевшая способность человека к отношению; растет волна отношения во всех сферах и своим живым струением обновляет наш мир.

Быть может, и не только наш. Ибо мы можем смутно догадываться о метакосмической (присущей миру как целому в его взаимоотношении с тем, что не есть мир) первичной форме двойственности, человеческое проявление которой - двойственность позиций основных слов и аспектов мира; об этом двойном движении: отдалении от первоосновы, благодаря которому вселенная сохраняет состояние становления, и приближении к первооснове, благодаря которому вселенная расковывает себя в бытии. Оба фатально разворачиваются во времени, оба счастливо заключены во вневременном созидании, которое непостижимым образом есть одновременно разрешение и запрет, освобождение и принуждение. Наше знание о двойственности умолкает перед парадоксом первичной тайны.

* * *

Есть три таких сферы, в которых возникает мир отношения.

Первая: жизнь с природой, где отношение замирает на пороге языка.

Вторая: жизнь с людьми, где отношение принимает речевую форму.

Третья: жизнь с духовными сущностями, где оно безмолвно, но порождает язык.

В каждой сфере, в каждом акте отношения, через все, обретающее для нас реальность настоящего, видим мы кромку вечного Ты, улавливаем Его веяние; говоря с каждым Ты, мы говорим с вечным Ты - в каждой сфере присущим ей образом. Все сферы заключены в Нем, Оно же - вечное Ты - ни в одной.

Через все сферы сияет одно Настоящее.

Но мы можем каждую лишить Настоящего.

Мы можем из жизни с природой извлечь "физический" мир, мир закономерности; из жизни с людьми "психический" мир, мир возбудимости; из жизни с духовными сущностями - "духовный" мир, мир подлинности. Но тогда они лишаются прозрачности и тем самым смысла, каждая становится пригодной к использованию, но тускнеет, и они остаются тусклыми, даже если мы дадим им сверкающие имена - Космос, Эрос, Логос. Потому что в действительности космос существует для человека лишь тогда, когда вселенная становится для него домом, со священным очагом, у которого он совершает жертвоприношения; эрос существует для него лишь тогда, когда существа становятся для него образами вечного, а общность с ними - откровением; и логос существует для человека, лишь когда он обращается к тайне своим трудом и служением в духе.

Вопрошающее молчание формы, любящая речь человека, говорящая немота твари - все они - врата, ведущие к слову.

Но когда наступает время совершенной встречи, все врата соединяются в Одни Врата Реальной Жизни, и ты уже не знаешь, через какие ты вошел.

* * *

Из трех сфер одна особо отмечена: жизнь с людьми. Здесь язык реализуется последовательно: в речи и в ответной речи. Только здесь оформленное в речь слово обретает свой ответ. Только здесь основное слово движется в одной и той же форме в обоих направлениях, в одном языке живут слова обращения и отклика, Я и Ты находятся не только в отношении, но имеют и прочную основу. Здесь, и только здесь мгновения отношения объединены стихией языка, в которую они погружены. Здесь противостоящее расцветает в полную реальность Ты. И только здесь является непреложной реальностью: видеть и быть увиденным, узнавать и быть узнаваемым, любить и быть любимым.

Это - главные врата, в чье объемлющее пространство ведут двое боковых врат.

"Если муж всем сердцем вместе со своей женой, тоска по холмам вечным овеивает их".

Отношение к человеку есть прямое подобие отношения к Богу: истинное обращение получает здесь истинный ответ. Но только в ответе Бога все - вся вселенная раскрывает себя как язык.

* * *

- Но разве одиночество не врата также? Разве не осеняет нас иногда - в самом безмолвном уединении - внезапное постижение? Разве не может общение с самим собой таинственно трансформироваться в общение с

тайной? И разве не тот лишь, кто не привязан более ни к одному существу, достоин встретить Сущность? "Приди, Одинокий, к одинокому", - взывает к своему Богу Симеон Новый Богослов.

- Есть два рода одиночества, смотря по тому, от чего оно отворачивается. Если одиночеством называется: освободить себя от познающей и использующей связи с вещами - то оно всегда необходимо, чтобы прийти к акту отношения вообще, не только высшего. Но если одиночество означает отсутствие отношения: тот, кто покинут существами, которым он говорил истинное Ты, тот будет принят Богом, но не тот, кто покинул эти существа. Только тот попадет к ним в рабство, кто жаждет их использовать; но тот, кто живет в напряжении Присутствия, вступит в реальное отношение с другими существами. И только такой человек готов к встрече с Богом. Ибо только он несет навстречу реальности Бога человеческую реальность.

И опять- таки есть два рода одиночества, смотря по тому, к чему оно устремляется. Если одиночество - это место очищения, то оно необходимо и человеку, связанному подлинными отношениями, прежде чем он вступит в святая святых; оно необходимо ему в промежутках между дерзаниями, между неизбежными неудачами и восхождениями: так мы устроены. Если же одиночество - оплот обособления, где человек ведет диалог сам с собой, не для того чтобы испытать и подготовить себя к тому, что ожидает его, а в эгоистическом упоении своим душевным строем, тогда перед нами - настоящее вырождение духа в духовность. Оно может достигнуть последней бездны, когда самоупоенный воображает, что он имеет Бога в себе и говорит с Ним. На самом же деле, хотя Бог охватывает нас и обитает в нас, мы никогда не имеем Его в себе. И мы говорим с Ним лишь тогда, когда всякая речь умолкает в нас.

* * *

Один современный философ[10] считает, что каждый человек обязательно верит либо в Бога, либо в "идолов", т. е. в какое-либо ограниченное благо - свою нацию, свое искусство, силу, знание, обогащение, "все новое покорение женщин", - благо, которое для него превратилось в абсолютную ценность и стало между ним и Богом: нужно лишь объяснить ему условность этих благ, "разбить" идолов, и извращенный религиозный акт сам собой вернется к подобающему объекту.

Такая концепция исходит из того, что отношение человека к ограниченным благам, которые он сделал своими идолами, имеет ту же природу, что отношение к Богу, и отличается только объектом: потому что только тогда простая подстановка правильного объекта на место ложного могла бы спасти заблудшего. Но позиция человека по отношению к тому "специфическому нечто", которое захватило высочайший ценностный трон его жизни и вытеснило вечность, всегда основана на познании и использовании некоего Оно, некоей вещи, некоего объекта наслаждения. Потому что лишь эта позиция способна заслонить перспективу Бога - заслонить непроницаемым миром Оно; говорящее Ты отношение раскрывает ее снова и снова. Кто одержим идолами, которых он хочет получить, иметь и хранить, кто одержим жаждой обладания, тому нет иного пути к Богу, кроме обновления, которое означает изменение не только цели, но и способа движения. Одержимого исцеляют тем, что его пробуждают и воспитывают для объединения, а не тем, что его одержимость направляют на Бога. Когда человек остается в состоянии одержимости и вместо имени демона или какого-то демонически искаженного им существа станет называть имя Бога, - что это значит? Это значит, что отныне он кощунствует. Ибо это кощунство, когда человек, затолкав идолов за алтарь, хочет лежащую на нем, оскверненном, нечестивую жертву принести Богу.

Кто любит женщину и вбирает ее жизнь в свою собственную, чтобы в ней она достигла своего воплощения, тот в Ты ее очей увидит лучи вечного Ты. Но кто жаждет лишь "все нового обладания" - может ли он выдать свою страсть за призыв Вечного?

Кто служит своему народу, не отделяя своей судьбы от его судьбы, и стремится отдать себя ему, он служит Богу. Но тому, для кого нация - идол, которому он хочет заставить служить всех (чтобы через национальное возвеличить самого себя), - разве достаточно внушить отвращение к его идолу, чтобы он узрел истину?

И наконец, как понять, что человек обращается с деньгами (воплощенным не-существованием) так, "как если бы это был Бог"? Что общего между сладострастием стяжательства и накопления - и радостью присутствия Настоящего? Может ли слуга Маммоны говорить Ты деньгам? И как ему быть с Богом, если он не умеет говорить Ты? Он не может (служить двум господам, сначала одному, потом другому; для этого он должен был бы сначала научиться служить по-другому.

"Обращенный" посредством замещения объекта поклонения имеет теперь дело с призраком, который он называет Богом. Но Бог, вечно Присутствующий, не позволяет обладать собой. Горе одержимому, который мнит, что обладает Богом!

* * *

"Религиозным" человеком считают того, кому нет нужды находиться в каких-либо отношениях с миром и с населяющими его существами, потому что уровень социального, определяемого извне, у "религиозного" человека перекрывается другим, определяемым лишь изнутри действующей силой. Однако в понятии социального объединяют две существенно различные вещи: как вырастающую из отношения общину, так и скопление лишенных отношения человеческих единиц - ситуация, ставшая весьма осязаемой для современного человека.

Но светлое здание общины, к которому ведет путь освобождения даже из темницы "социальной жизни", есть создание той самой силы, которая действует в отношении между человеком и Богом. И это - не одно из отношений в ряду других; это - всеобщее отношение, в которое, не иссякая, вливаются все струи. Море и струи - нужно ли их разделять и проводить границы? Тут - лишь одно течение, от Я к Ты, все безмернее, один безграничный поток реальной жизни.

ельзя разделить свою жизнь на реальное отношение к Богу и нереальную Я-Оно-связь с миром - искренне молиться Богу и использовать мир. Кто знает мир как то, что подлежит использованию, тот и Бога не может "знать" по-другому. Его молитва - это процедура самореабилитации, и она обращена в пустоту. Он - не "атеист", кто во мраке тоскливо взывает из своего окошка к Безымянному; он - безбожник.

Далее говорят, что "религиозный" человек предстает перед Богом как изолированная единица, так как он перешагнул уровень "нравственного" человека, на котором лежит еще долг и вина по отношению к миру и который обременен ответственностью за свои деяния, так что его поведение определяется конфликтом между тем, "каков он есть", и тем, "каким он должен быть", и в эту ненасытную пропасть в своей гротескно-безнадежной жертвенности он бросает кусок за куском свое сердце.

"Религиозный" же человек уходит, мол, из этого конфликта в другой - между миром и Богом; тут властвует повеление - снять с себя беспокойство ответственности, да и требований к себе; тут нет собственного желания, а только связь и повиновение, тут всякое долженствование растворяется в абсолютном бытии, и мир хоть и существует еще, но уже не имеет значения; правда, нужно совершить в нем свое, да и это - с точки зрения ничтожности всякой деятельности - совсем не обязательно.

Но это значит вообразить, что Бог создал Свой мир иллюзорным и Своего человека - для сновидений. Конечно, кто предстает пред Лицом, тот уже выше вины и долга, но не потому, что он удалился от мира: потому, что он к нему воистину приблизился. Вину и долг испытывают только к чужим: к близким испытывают любовь и склонность. Кто предстает пред Лицом, только для того мир, озаренный вечностью, присутствует в полноте, и он может единым словом сказать Ты Сущности всех существ. Тут уже нет конфликта между миром и Богом, а только единая реальность. Но от ответственности человек не освободился: он сменил боль ограниченной, ощущающей последствия действий ответственности на вдохновение безграничной, на мощь любящей ответственности за всю необозримую жизнь мира, на глубокую включенность в мир пред лицом Бога. Конечно, он навсегда отбросил моральные понятия: "злой" - это лишь тот, за кого он в большой ответственности, кто больше нуждается в любви; но он должен будет вновь и вновь, в глубинах своей спонтанности, принимать решение, до самой смерти невозмутимо решаться на правильное действие. Тут действие не ничтожно: оно присутствовало в замысле, оно поручено, в нем есть необходимость, оно - часть Творения; но это действие уже не накладывается на мир, оно вырастает в нем и из него, как если бы оно не было действием.

* * *

Что представляет собой вечный, сейчас и здесь присутствующий, коренной феномен, который мы называем откровением? Он состоит в том, что человек выходит из момента высшей встречи уже не таким, каким он вступил в него. Момент встречи - это не "переживание", которое возникает и блаженно завершается в восприимчивой душе: тут что-то происходит с человеком, иногда это - как дуновение, иногда - как схватка в борьбе, но все равно: что-то происходит. Человек, который выходит из сущностного акта чистого отношения, имеет в своем существе больше, нечто, выросшее в нем, о чем он раньше не знал и чье происхождение он не в силах объяснить. Научное ориентирование мира, в своем законном стремлении все без изъятия охватить причинностью, может сколько угодно пытаться упорядочить источник действительно нового. Нам, для которых речь идет о реальном рассмотрении реального, не годится ни подсознание, ни какой-либо другой душевный аппарат. Реальность: мы получаем то, чего до сих пор не имели, и получаем это так, что мы знаем: оно нам дано. На языке Библии: "Те, кто ожидает Бога, обретут силу"[11]. На языке Ницше, когда он в своем рассказе остается еще верным реальности: "Принимают, и не спрашивают, кто дает".

Человек получает, и он получает не "содержание", а Настоящее, Настоящее как силу. Это Настоящее и эта сила включают в себя три вещи, нераздельно, и все же так, что можно их рассматривать порознь. Во-первых, всю полноту взаимности: быть принятым и быть объединенным; человек ничего не может сказать о структуре того, с чем он объединен, и это объединение вовсе не облегчает ему жизнь - оно делает жизнь тяжелее, но это

тяжесть смысла. И это - второе: невыразимое словами подтверждение смысла. Он гарантирован. Ничто, ничто не может быть отныне лишены смысла. Вопросы о смысле жизни больше нет. Но если бы он был, на него не нужно было бы отвечать. Ты не умеешь выявить смысл жизни и не умеешь определить его, у тебя нет для него формулы или образа, и все же: он для тебя яснее, чем восприятия твоих чувств. Что же этот смысл подразумевает, чего он хочет от нас - откровенный и сокровенный? Не истолкованным - это не в наших силах, - а только осуществленным нами хочет он быть. Это - третье: он не смысл некой "иной жизни", а этой нашей жизни; не некоего "потустороннего", а этого нашего мира; и он хочет быть подтвержденным нами в этой жизни, для этого мира. Смысл можно воспринять, но его нельзя познать; его нельзя познать, но его можно осуществить; этого он и хочет от нас. Гарантия смысла не хочет быть запертой во мне, она хочет через меня родиться в мир. Но как сам смысл жизни не позволяет передавать себя, не позволяет отчеканить себя в общезначимое, общедоступное знание, так и его подтверждение не может быть передано как обладающее силой должествование; оно не предписано, не зафиксировано на памятной доске, установленной над головами всех людей. Подтвердить обретенный смысл каждый может лишь неповторимостью своего существа и своей жизни. Как ко встрече не может привести нас никакое предписание, так и из нее не ведет ни одно. Как для того, чтобы прийти к встрече, требуется лишь принятие Настоящего, так - в новом смысле - и для того, чтобы из нее выйти. Как с одним лишь Ты на устах вступают во встречу, так с ним же на устах выходит из нее человек в мир.

То, перед чем мы живем, то, где мы живем, откуда и куда мы идем, - тайна: она осталась той же, что была. Она стала Настоящим для нас и своим присутствием возвестила о спасении: мы - "узнали" ее, но мы не имеем о ней знания, которое уменьшило бы - смягчило бы для нас ее таинственность. Мы приблизились к Богу. но не к срыванию покровов с бытия, его разгадке. Мы ощутили освобождение, но не нашли "объяснения". С тем, что мы получили, мы не можем пойти к другим и сказать: это надо знать, это надо делать. Мы можем лишь идти и подтверждать это делом. И это мы не "должны": скорее, мы можем - мы не в состоянии поступить по-другому.

Это - вечное, сейчас и здесь присутствующее откровение. Я не знаю никакого, я не верю ни в какое откровение, которое, как коренной феномен, не было бы тождественно этому. Я не верю в то, что Бог именует Себя и истолковывает Себя перед людьми. Слово откровения есть: Я Тот, Который есть[12]. Открывающийся есть Открывающийся. Сущий присутствует, ничего больше. Вечный источник силы изливается, вечное соприкосновение длится, вечный голос звучит, ничего больше.

* * *

Вечное Ты не может по самой сути своей превратиться в Оно; ибо не может быть снабжено мерой и границей, даже мерой неизмеримого и границей безграничного бытия; ибо не может быть рассматриваемо как сумма свойств, даже как бесконечная сумма трансцендентных свойств, ибо Его невозможно обнаружить ни в мире, ни вне мира; ибо Его невозможно познать; ибо Его невозможно мыслить; ибо мы грешим против Него, Сущего, когда говорим: "Я верю, что Он есть"; ведь "Он" - лишь метафора, тогда как "Ты" - нет.

И все же мы всегда, в соответствии с нашей природой, превращаем вечное Ты в Оно, в Нечто, Бога превращаем в вещь. Причина этого - не в своеволии. Вещная история Бога, шествие бога-вещи через религию и смежные с ней области, через ее озарения и помрачения, жизненные взлеты и оскудение, движение прочь от Бога живого и вновь к Нему, трансформация Настоящего и превращение его в объект, в форму, в понятие, распад и обновление - это единый путь, это - путь.

Высказанное знание и предписанное поведение в религии - откуда они? Присутствие и сила откровения (потому что все религии обязательно ссылаются на некое откровение - словесное, природное, душевное, - строго говоря, существуют лишь религии откровения). Присутствие и сила, которые человек воспринимает в откровении, как превращаются они в "содержание"?

Объяснение имеет два слоя. Внешний, психический, мы поймем, рассматривая человека в себе, в отрыве от истории; внутренний, фактический, коренной феномен религии - если потом снова включим человека в историю. Оба составляют одно целое.

Человек стремится обладать Богом; он стремится к непрерывности обладания Богом во времени и в пространстве. Он не хочет удовлетвориться невыразимым подтверждением смысла, он хочет видеть это подтверждение распростертым перед собой как что-то, чем можно вновь и вновь заниматься и манипулировать, как неразрывный во времени и в пространстве континуум, который гарантирует ему жизнь в любом месте и в любой момент.

Жизненный ритм чистого отношения, смена актуальности и латентности, где убывает лишь наша способность к отношению и тем самым Настоящее, но не изначальное присутствие, не утоляет жажды континуума в человеке. Человек стремится к расширению во времени, к длительности. Так Бог становится объектом веры. Первоначально вера дополняет во времени акты отношения; постепенно она замещает их. Вместо постоянно обновляющегося движения сосредоточения и выхода навстречу наступает покой веры в Оно. Вера-несмотря-ни-на-что, вера борца, который знает и удаленность Бога, и близость Бога, все больше и больше

превращается в уверенность человека, извлекающего пользу, уверенность в том, что ему ничего не угрожает, так как он верит, что существует Тот, Кто не допустит, чтобы с ним что-нибудь случилось.

И жизненная структура чистого отношения, "одиночество" Я перед Ты, закон, по которому человек, хоть он и включает мир во встречу, все же может (только как личность) выйти к Богу и встретить Его, тоже не удовлетворяет жажды континуума в человеке. Он стремится к пространственному расширению, к представлению о том, что общество верующих соединяется со своим Богом. Так Бог становится объектом культа. И культ тоже первоначально дополняет акты отношения: тем, что он живую молитву, непосредственную Ты-речь, вкладывает в пространственную связность огромной созидательной силы и объединяет с жизнью чувства; и он также постепенно превращается в эрзац по мере того, как личная молитва уже не поддерживается, а вытесняется коллективной. И поскольку сущностный акт не допускает никаких правил, ее место занимает управляемый молебен.

В действительности же чистому отношению можно придать пространственно-временную непрерывность лишь путем воплощения его во всю материю жизни. Его можно лишь осуществить, лишь вместить в жизнь. Человек может воздать должное отношению к Богу, в котором он принял участие, только если он, соответственно своим силам, соответственно мере каждого дня, заново воплощает Бога в мире. В этом заложена единственная подлинная гарантия континуальности. Подлинная гарантия длительности состоит в том, что чистое отношение может быть осуществлено превращением существ в Ты, их возвышением до Ты, чтобы святое основное слово звучало в них всех. Так время человеческой жизни формируется в полноту реальности, и (несмотря на то что связь с Оно невозможно преодолеть, да и не нужно преодолевать) человеческая жизнь оказывается настолько пронизанной отношением, что оно приобретает в ней сияющую, просветленную непрерывность; моменты высшей встречи в такой жизни - не вспышки молнии во тьме, они подобны восходящей луне в ясную звездную ночь. И значит, подлинная гарантия пространственной непрерывности состоит в том, что отношение людей к их истинному Ты, радиусы, выходящие из всех Я-точек к Центру, образуют круг. Не периферия, не общество является первичным, а радиусы, общность отношения к Центру. Только она одна обеспечивает подлинное существование общины.

И только когда возникнут обе (и пока они существуют) - связь времени в освященной отношением жизни и связь пространства в общине, объединенной Центром, только вместе с ними вокруг невидимого алтаря возникает и существует мир, выхваченный духом из всеобщей субстанции зона[13]. Этот мир - дом и обитель человека в космосе.

Встреча с Богом происходит не для того, чтобы человек занимался Богом, а для того, чтобы он подтвердил, что мироздание исполнено смысла. Всякое откровение есть призыв и возложение миссии. Но вместо того чтобы ее осуществлять, человек вновь и вновь размышляет об Открывающем Себя; он хочет вместо мира заниматься Богом. Только теперь ему, погруженному в рефлексю, не противостоит больше никакое Ты, он не может ничего другого, кроме как вложить Божественное Оно в вещественность, верить, что он знает Бога как Оно, и говорить о Нем. Как эгоцентрик, вместо того чтобы непосредственно переживать что-то - восприятие или склонность, - размышляет о своем воспринимающем или испытывающем склонность Я и тем упускает истину события, так и человек, исследующий Бога (что, впрочем, прекрасно уживается в одной душе с эгоцентризмом), вместо того чтобы позволить дару совершить свое действие, размышляет о Дающем и упускает обоих.

Если ты послан с миссией, Бог остается присутствующим для тебя; тот, кто исполняет миссию, всегда имеет Бога перед собой; чем добросовестней исполнение, тем сильнее и постояннее близость; конечно, он не может заниматься Богом, но он может беседовать с Ним.

Напротив, рефлексия делает Бога своим объектом. Кажущееся приближение к Первооснове на самом деле относится к мировому движению отдаления, так же как кажущееся отдаление того, кто выполняет миссию, на самом деле относится к мировому движению приближения к Первооснове.

Потому что оба главных метакосмических движения в мироздании - экспансия в его собственное бытие и стремление к единению[14] - находят свою высшую человеческую реализацию, истинную духовную форму своей борьбы и своего примирения, своего смешения и своего разделения в истории связи человека с Богом. В стремлении к единству слово рождается на Земле, в экспансии самобытия оно окукливается в религию, в новом порыве к единству оно возрождается вновь окрыленным.

Здесь властвует не произвол - хоть иногда движение к Оно и заходит так далеко, что угрожает пресечь, приостановить движение к новой встрече с Ты. Грандиозные откровения, на которые ссылаются религии, по своему существу подобны не привлекающим к себе внимания откровениям, которые происходят повсюду и во все времена.

Грандиозные откровения, имевшие место в начале созидания великих общностей и в другие поворотные моменты истории, суть не что иное, как вечное откровение. Но откровение не изливается в мир через того, кто его воспринимает, как через воронку: оно совершается с ним, оно захватывает все стихии его существа во всей неповторимости их естества и переплавляет его в своем пламени. И человек превращается в "уста"[15] откровения именно уста, а не рупор, не орудие, а орган речи, звучащий по собственным законам; а звучать означает окрашивать звук[16].

Есть, однако, качественное различие между историческими эпохами. Есть созревание времени, когда подавленная, истощенная стихия человеческого духа достигает скрытой готовности, в такой жажде и в таком напряжении, что она ожидает лишь Его прикосновения, чтобы прорваться наружу. Откровение, которое тогда совершается, охватывает всю созревшую стихию, во всем ее своеобразии, переплавляет ее и вкладывает в нее образ, новый образ Бога в мире.

Так в ходе истории, в трансформации человеческой стихии все новые области духа и мира возвышаются до образа, призываются в образ Бога. Все новые сферы становятся местом теофании[17]. И действует здесь не только человек и не только Бог - но Бог и человек. Посланный откровением уносит в себе образ Бога - как Он ни сверхчужден, Его образ запечатлелся в очах человеческого духа, в совсем не метафорической, а вполне реальной зрительной силе духа. Дух отвечает и созерцанием, образотворческим созерцанием. Хоть мы, земные существа, и не видим никогда Бога без мира, а видим только мир в Боге, - созерцая, мы вечно создаем образ Бога.

Образ - тоже смесь Ты и Оно. В вере и культе он может застыть в предмет; но благодаря неотъемлемому свойству отношения, продолжающему жить в нем, образ будет вновь и вновь обретать присутствие. Бог близок к Своим образам, пока человек не отодвигает их от Него. В истинной молитве вера и культ объединяются и очищаются в живой взаимосвязи. То, что истинная молитва живет в религиях, свидетельство их истинной жизни; покуда она живет в них, они живы. Вырождение религий означает вырождение молитвы: способность к отношению все более заглушается в них предметностью, и все труднее всем нераздельным существом говорить Ты, и чтобы суметь сделать это, человеку приходится в конце концов уйти из ложной защищенности в риск бесконечного, из общности, которую теперь венчает лишь купол храма (а небосвод - уже нет), - в последнее одиночество. Относить такой порыв к субъективизму означает совершенно не понимать его: жизнь пред Ликом есть жизнь в единой реальности, в единственно подлинной "объективности", и человек хочет спастись в подлинно сущую - из кажущейся, иллюзорной объективности, прежде чем она затмит его истину. Субъективизм выхолащивает веру в Бога, объективизм - овеществляет Его, объективизм - ложное упрочение, субъективизм - ложное освобождение, и оба - отклонение от пути реальности, оба - попытка подменить ее.

Бог близок к Своим образам, если человек их от Него не отдаляет. Если же экспансия религии подавляет стремление к единству и отдаляет образ от Бога, то меркнет образ: уста мертвы, руки повисли, Бог не знает его больше, и вселенский дом, построенный вокруг Его алтаря, человеческий космос - рушится. И человек, в затмении истины, уже не видит, что произошло.

Произошел распад слова.

В откровении слово есть сущее, в образе - действующее, во власти умершего оно обретает авторитетность.

Таково движение и обратное движение вечного и вечно присутствующего слова в истории.

Времена, когда звучит живое слово, - это те времена, когда обновляется единство Я и мира: времена, когда властвует действенное слово, - это те времена, когда сохраняется согласие между Я и миром; времена, когда слово становится авторитетным, - это такие времена, когда происходит утрата реальности и отчуждение между Я и миром, когда воцаряется злой рок, - пока не придет великое потрясение, и остановка дыхания во тьме, и молчание, исполненное готовности.

Но эта смена - не порочный круг. Она - путь. В каждом новом зоне рок давит все тяжелее, повороты - все круче. И теофания - все ближе, она приближается к сфере между существами: приближается к царству, которое сокрыто среди нас - между нами. История - это таинственное приближение. Каждая спираль ее пути приводит нас ко все более глубокой порче и одновременно - ко все более кардинальному возвращению[18]. Но событие, мирская сторона которого называется возвращением, на своей иной, Божественной стороне называется спасением.

ПОСЛЕСЛОВИЕ М. БУБЕРА

(Перевод В.В. Рынкевича)

* 1 *

Когда я (более сорока лет назад) сделал первый набросок этой книги, мной двигала внутренняя необходимость. Одно видение, которое с юности снова и снова посещало меня и каждый раз теряло четкость очертаний, обрело наконец неизменную ясность, и эта ясность столь явно обладала сверхличностным характером, что я скоро осознал, что должен об этом свидетельствовать. Некоторое время спустя, после того как я удостоился обрести надлежащее Слово и решил записать книгу в ее окончательном виде (1923), обнаружилось, что многое нуждается в дополнении, однако на своем месте и в самостоятельной форме. Так возникли небольшие работы, частично истолковавшие с помощью примеров то видение, о котором шла речь, частично объяснявшие его, когда мне приходилось оспаривать некоторые возражения, частично критиковавшие те воззрения, которым названные работы во многом обязаны, хотя тем, кто эти воззрения высказывал, не раскрылось в его центральном значении мое самое существенное положение - о тесной связи между отношением к Богу и отношением к ближнему. Позднее к этим работам присоединились другие, которые указывали на антропологические основания и на социологические выводы. Тем не менее стало очевидным, что далеко не все вопросы получили достаточное освещение. Время от времени ко мне обращались читатели, с тем чтобы уяснить, что я подразумевал в том или ином случае. Долгое время я отвечал каждому из них, но постепенно заметил, что не в состоянии удовлетворить их справедливое требование и, кроме того, не имею права ограничивать отношение диалога лишь теми моими читателями, которые ко мне обратились, - быть может, как раз те, кто не решился нарушить молчание, заслуживают особенного внимания. Так я пришел к необходимости ответить публично, прежде всего на некоторые существенные вопросы, которые по смыслу связаны между собой.

* 2 *

Первый вопрос может быть сформулирован с достаточной точностью примерно так: если мы, как утверждается в книге, можем состоять в отношении не только к другим людям, но также к существам и вещам, то что тогда составляет подлинное различие между теми и другими? Или еще точнее: если отношение Я-Ты обуславливает взаимность, фактически объемлющую и Я и Ты, как может быть в качестве такого отношения понято отношение к природному? Еще точнее: если мы предположим, что также существа и вещи природы, которых мы встречаем как наше Ты, дают нам некий род обоюдности, каков тогда характер этой обоюдности и что дает нам право применять к нему это фундаментальное понятие?

Очевидно, на этот вопрос нет единодушного ответа; здесь вместо того, чтобы, как обычно, охватывать природу как некое целое, мы должны рассматривать ее различные области по отдельности. Некогда человек "приручил" зверя и теперь еще способен произвести это особенное воздействие на животное. Человек вовлекает его в свою атмосферу и побуждает к тому, чтобы зверь естественным образом воспринял его, чужого, и "принял его". Человек добивается от животного некоего - часто поразительного - активного ответа на его приближение, на его обращение к нему и в общем тем более сильного ответа, чем больше его отношение есть подлинное изречение Ты. Животным, как и детям, нередко удается распознать притворную нежность. Но и вне сферы приручения порой имеет место подобный контакт между человеком и зверем: речь идет о людях, которые в глубине своего существа обладают потенциальным партнерством с животными, причем преимущественно это люди, в которых преобладает не "животное" начало, но скорее от природы духовные личности.

Зверь не двойствен, как человек: двойственность основных слов Я-Ты и Я-Оно ему чужда, хотя он может как внимать другому существу, так и рассматривать предметы. Все же мы можем сказать, что здесь двойственность латентна. Поэтому, рассматривая эту сферу в перспективе нашего изречения Ты, которое исходит от нас к твари, мы можем назвать ее порогом взаимности.

Совершенно по-другому обстоит дело с теми областями природы, в которых отсутствует спонтанность, одинаково присущая нам и животным. В наше понятие растения входит то, что оно не может реагировать на наше действие, не может "ответить". Однако это не означает, что здесь нам совершенно не уделено никакой взаимности. Деяния или соотнесения отдельного существа здесь, разумеется, нет, однако есть взаимность самого бытия, взаимность, сущая в бытии, и никакая иная. Живая цельность и единство дерева, которые ускользают от взгляда того, кто лишь исследует, и раскрываются тому, кто говорит Ты, присутствуют именно тогда, когда он присутствует, он дает дереву проявлять эту живую цельность и единство, и теперь дерево, сущее в бытии, ее проявляет. Наши мыслительные привычки затрудняют нам прозрение того, что здесь, разбуженное нашим отношением, нечто исходящее от сущего в бытии искрится нам навстречу. В сфере, о которой идет речь,

требуется чистосердечно отдать справедливость действительности, раскрывающейся перед нами. Эту обширную сферу, простирающуюся от камней до звезд, я бы хотел обозначить как предпороговую, т. е. присущую ступени, которая лежит перед порогом.

* 3 *

Однако теперь возникает вопрос о сфере, которую, пользуясь тем же образным языком, можно назвать сферой того, что "над порогом" (superliminare), т.е. сферой перекладки, которая венчает дверь сверху, - сферой Духа.

Здесь также должно провести разграничение между двумя областями; однако здесь оно проникает глубже, нежели то, которое проводят в царстве природы. Это разграничение между тем, берущим начало в духе, что уже вошло в мир и воспринимается в нем посредством наших чувств, с одной стороны, и тем, что еще не вошло в мир, но готово войти в него и становится для нас присутствующим в настоящем, - с другой. Это разделение, мой читатель, основано на том, что духовное образование, уже вошедшее в мир, я как будто могу показать тебе, тогда как другое - нет. На духовные образования, которые в этом мире, общем для нас с тобой, у нас "под рукой" ничуть не в меньшей степени, нежели вещь или природное существо, я могу указать тебе, так же как и на нечто доступное тебе в действительности или в возможности, но не на то, что еще не вошло в мир. Но если и здесь, относительно этой пограничной области, мне зададут вопрос, где же тут следует искать взаимность, мне останется лишь прибегнуть к косвенному намеку на вполне определенные, но едва ли поддающиеся описанию процессы в жизни человека, которому было дано откровение духа как встречи, и, наконец, если косвенного намека будет недостаточно, мне ничего не останется, мой читатель, как обратиться к свидетельству твоих собственных тайн, пусть глубоко погребенных, но все же еще достижимых.

Вернемся же теперь к первой области, к области того, что у нас "под рукой". Здесь можно привести некоторые примеры.

Пусть вопрошающий представит себе одно из дошедших до нас изречений одного из тех учителей, которые жили тысячи лет назад, и постарается теперь изо всех сил уловить это изречение слухом, т. е. как исшедшее из уст того, кто говорит в его присутствии, услышать его собственными ушами и воспринять его. Для этого он должен всем своим существом обратиться к тому, кто, не присутствуя, изрекает присутствующее здесь изречение, т. е. он должен усвоить по отношению к живому и мертвому то соотношение, которое я именую изречением Ты. Если это удастся ему (для чего, разумеется, воли и усилия недостаточно, однако человек может снова и снова браться за это предприятие), он услышит - только сперва, быть может, невнятно - голос, тождественный тому, который будет звучать для него из других подлинных изречений того же учителя. Отныне он уже не сможет сделать то, что мог прежде, когда обходился с изречением, как с неким объектом: невозможно будет выделить из него никакого содержания и ритма; он воспримет лишь неделимую цельность Изреченности.

Но это еще связано с личностью, с соответствующим данному времени обнаружением личности в ее слове. Однако то, что я подразумеваю, не ограничено продолжающимся действием в слове некоего личного бытия. Поэтому, чтобы дополнить вышесказанное, я должен прибегнуть к одному примеру, в котором нет более места ничему личному. Как всегда, я выбираю пример, который для некоторых людей связан с яркими воспоминаниями. Это - дорийская колонна, когда-либо в том или ином месте явившаяся человеку, который способен и готов к тому, чтобы к ней обратиться. Мне она впервые встретилась в Сиракузах, она выступала из церковной стены, в которой некогда была замурована: тайное древнейшее мерило представляло себя в столь простом образе, что ничего единичного нельзя было здесь разглядеть, ничем единичным невозможно было здесь наслаждаться. Надлежало совершить то, что я мог совершить: стоя перед этим духовным образованием, которое прошло через приобщающее к изначальному Смыслу врожденное чувство человека и его руки и оформилось в тело, вместить и удержать состояние. Исчезает ли здесь понятие взаимности? Оно лишь погружается обратно во тьму или преобразуется в некое конкретное положение вещей, решительно отвергая отвлеченность, но остается светлым и внушающим доверие.

Отсюда мы вправе бросить взгляд также в другую область, в область того, что "не под рукой", в область контакта с "духовными сущностями", в область возникновения Слова и Формы.

Дух, ставший Словом, Дух, ставший Формой, - каждому, кого коснулся Дух и кто не закрывался от него, в какой-то степени известно основополагающее Фактическое: что такое не пускает ростки и не произрастает в мире человека, не будучи посеянным, но происходит из его встреч с Другим. Не из встреч с платоновскими идеями (относительно последних я не обладаю никаким непосредственным знанием и не в состоянии понять их как сущее в бытии), но с Духом, который нас овеивает и вдыхает себя в нас. И снова мне вспоминается странное признание Ницше, который, описывая процесс "вдохновения", говорит, что человек берет, но не спрашивает, кто здесь дает. Да будет - человек не спрашивает, но благодарит.

Тот, кому ведомо веяние Духа, погрешает, вознамерившись завладеть Духом или вызнать его характерные признаки. Но он нарушает верность и тогда, когда приписывает дар себе самому.

* 4 *

Рассмотрим еще раз то, что было здесь сказано о встречах с природным и с духовным.

Вопрос может звучать так: вправе ли мы говорить об "ответе" или "обращении", которые приходят из сферы, лежащей за пределами всего, что мы в своем рассмотрении порядков иерархии сущего наделяем спонтанностью и сознанием, как о чем-то таком, что именно как ответ или обращение имеет место в человеческом мире, где мы живем? Обладает ли то, о чем здесь было сказано, какой-либо иной значимостью, или это только "персонифицирующая" метафора? Не угрожает ли здесь опасность некоей проблематичной "мистики", стирающей границы, которые проводило и с необходимостью должно было проводить всякое рациональное познание?

Ясная и устойчивая структура отношения Я-Ты, близкого каждому, кто чист сердцем и обладает мужеством, чтобы его составить, не имеет мистической природы. Чтобы понять эту структуру, мы порой должны отказаться от привычек нашего мышления, но не от изначальных норм, которые определяют человеческое мышление действительности. Как в области природы, так и в области Духа - Духа, который продолжает жить в изречениях и произведениях, и Духа, который хочет стать изречением и произведением, - мы вправе понимать оказываемое на нас воздействие как воздействие Сущего.

* 5 *

В следующем вопросе речь идет уже не о пороге, не о том, что перед порогом и над порогом взаимности, но о ней самой как о входной двери нашего наличного бытия.

Спрашивается: как обстоит дело с отношением Я-Ты между людьми? Всегда ли оно состоит в полной обоюдности? Всегда ли оно способно на это, всегда ли оно дерзнет быть таким? Не подвержено ли оно, как все человеческое, ограничению нашей недостаточностью, но также ограничению посредством внутренних законов нашей совместной жизни?

Первое из этих двух препятствий довольно хорошо известно. Все, начиная с того, что твой взгляд день за днем встречает отчужденность в глазах "ближнего", притом что он нуждается в тебе, и кончая печалью святых, раз за разом втуне предлагающих великий дар, - все говорит тебе о том, что полная взаимность не присуща совместной жизни людей. Она - милость, к приятию которой человек всегда должен быть готовым и на которую он никогда не может рассчитывать как на нечто гарантированное.

Однако бывает так, что отношение Я-Ты по самой своей принадлежности к определенному роду не может развиваться в полную взаимность, если оно должно и дальше существовать в пределах своего рода.

В другом месте как такого рода отношение я охарактеризовал отношение подлинного воспитателя к своему воспитаннику. Для того чтобы помочь осуществиться в действительности наилучшим возможностям, присущим ученику, учитель должен относиться к нему, как к этой определенной личности в ее потенциальности и ее актуальности, точнее, он должен знать его не как простую сумму свойств, стремлений и торможений, он должен понимать его как некую целостность и утверждать его в этой его целостности. Однако учитель может это лишь тогда, когда он всякий раз встречает ученика как своего партнера в некоей биполярной ситуации. И для того чтобы его воздействие на ученика было цельным и осмысленным, он должен всякий раз проживать "ту ситуацию во всех ее моментах, исходя не только из своей собственной точки зрения, но также с точки зрения своего предстоящего: ему надлежит прибегнуть к реализации такого рода, который я называю схватыванием. Хотя это зависит от того, что он также пробуждает в воспитаннике отношение Я-Ты, что равным образом и последний относится к воспитателю, как к этой определенной личности, и утверждает ее, все же особое воспитывающее отношение не может обладать прочным и продолжительным существованием, если воспитанник со своей стороны прибегает к схватыванию, проживая в общей ситуации ту ее часть, которая принадлежит воспитателю. Кончается ли тогда отношение Я-Ты либо приобретает характер совершенно иного рода, характер дружбы, оказывается, что специфически воспитывающее отношение, как таковое, лишено полной взаимности.

Другой не менее поучительный пример нормативного ограничения взаимности показывает нам отношение между искушенным психотерапевтом и его пациентом. Когда он удовлетворяется тем, что "анализирует" больного, то есть извлекает на свет из его микрокосмоса бессознательные факторы и преобразенные посредством этого энергии прикладывает к сознательной работе жизни, то в некоторых случаях он добьется успеха. В лучшем случае он может помочь душе, лишенной четкой организованной структуры в какой-то степени собраться и добиться упорядоченности. Но осуществить то, что, собственно, на него возложено, - добиться возрождения захащенного центра личности - он не способен. Это сумеет лишь тот, кто охватывает пронизательным взглядом врача, казалось бы, окончательно погребенное латентное единство страдающей души, а это достижимо как раз лишь в партнерстве, в соотношении личности с личностью, но не посредством рассмотрения и исследования некоего объекта. Для того чтобы психотерапевт последовательно содействовал

освобождению и актуализации того единства в некоем новом согласии личности с миром, он должен, как воспитатель, всякий раз стоять не только здесь, на своем полюсе биполярного отношения, но силой воображения переноситься также на другой полюс и испытывать воздействие собственной терапии. И опять же специфическое, "исцеляющее" отношение перестанет существовать в тот момент, когда пациент со своей стороны задумает и осуществит схватывание и проживет ситуацию также на полюсе врача. Исцелять и воспитывать может лишь живущий в предстоянии и все же пребывающий в отдалении,

Наиболее убедительно нормативное ограничение взаимности можно было бы показать на примере духовника, поскольку здесь схватывание, осуществленное со стороны наставляемого, посягало бы на сакральную аутентичность задачи.

Всякое отношение Я-Ты внутри такой ситуации соотнесенности, которая специфицируется как целенаправленное воздействие одной части на другую, существует в силу взаимности, которой не суждено стать полной.

* 6 *

В этой связи можно обсудить еще только один-единственный вопрос, и его нельзя оставить без внимания, ибо он по своей важности не сравним ни с какими иными.

Спрашивается: как вечное Ты может быть в отношении одновременно исключительным и включенным? Как Ты-отношение человека к Богу, которое обуславливает безусловный и ничем не отклоняемый поворот к Нему, тем не менее может охватывать все другие Я-Ты-отношения этого человека и как бы приносить их Богу?

Заметим, что спрашивается не о Боге, а только о нашем отношении к Нему. И все же, чтобы иметь возможность ответить, я должен говорить о Нем. Ибо наше отношение к Нему так сверхпротивоположно, как оно есть, поскольку Он так сверхпротивоположен, как Он есть.

Само собой разумеется, мы говорим лишь о том, что есть Бог в его отношении к человеку. И это также выразимо лишь в парадоксе, точнее, посредством парадоксального употребления понятия; еще точнее, посредством парадоксальной связи номинального понятия с Прилагательным, противоречащим привычному нам содержанию. Подчеркивание действенности этого противоречия должно уступить место пониманию того, что так и только так оправдывается необходимое обозначение предмета через это понятие. Содержание понятия испытывает радикальное, преобразующее его расширение, но ведь так у нас с каждым понятием, которое мы, понуждаемые действительностью веры, берем из сферы имманентного и применяем к трансцендентному.

Обозначать Бога как личность необходимо для каждого, кто, подобно мне, говоря "Бог", не имеет в виду никакой принцип (хотя такие мистики, как Эхарт, иногда отождествляли 'Его с "бытием") и никакую идею, хотя такие философы, как Платон, порой могли считать его идеей; это необходимо для тех, кто, как и я, видит в "Боге" того, кто - кем бы он ни был помимо этого - вступает в непосредственное отношение к нам, людям, в творческих, даруемых в откровении освобождающих актах и тем самым делает возможным для нас вступить в непосредственное отношение к нему. Эта основа и смысл нашего бытия во всякое время составляет такую взаимность, которая может быть лишь между личностями. Безусловно, понятие личности совершенно неспособно декларировать сущность Бога, но позволительно и необходимо сказать, что Бог есть также личность. Если бы я, в виде исключения, захотел перевести то, что следует понимать под вышесказанным на язык философа, на язык Спинозы, я должен был бы сказать, что нам, людям, известны из бесконечного множества атрибутов Бога не два, как считал Спиноза, но три: к духовности, в которой берет свое начало то, что мы именуем Духом, и природности, которая выражает себя в том, что мы знаем как природу, в качестве третьего прибавляется атрибут личности. От него, от этого атрибута, происходит мое личное бытие и личное бытие всех людей, как от тех двух - духовное и природное бытие, мое и всех людей. И только это третье, атрибут личности, дает нам непосредственно узнать себя в своем качестве как атрибут.

Но теперь заявляет о себе противоречие и ссылается на общеизвестное содержание понятия личности. Ведь к личности, поясняет оно, принадлежит то, что ее самостоятельность заключается именно в себе, однако в совместном бытии посредством множественности других самостоятельности релятивируется; а это, разумеется, нельзя сказать о Боге. В ответ на это противоречие выдвигают парадоксальное обозначение Бога как абсолютной личности, т. е. такой личности, которая не может быть релятивирована. В непосредственное отношение к нам Бог вступает как абсолютная личность. Противоречие должно уступить высшему прозрению.

Теперь мы дерзнем сказать, что Бог свою абсолютность включает в отношение, в которое он вступает с человеком. Поэтому человеку, который поворачивается к Богу, нет нужды отворачиваться от других Я-Ты-отношений: правомочно он приносит все эти отношения Богу и дает им преобразиться "в лице Бога".

Однако вообще следует остерегаться того, чтобы понимать разговор с Богом, разговор, о котором я вел речь в этой книге и почти во всех остальных, которые последовали за ней, как нечто сбывающееся лишь отдельно от повседневного или сверх него. Речение Бога к людям пронизывает происходящее в жизни, которая своя для каждого из нас, и все происходящее в мире, нас окружающем, все биографическое и все историческое и делает это для тебя и для меня указанием, требованием. Событие за событием, ситуация за ситуацией обретают

благодаря личной речи возможность и право вытребовать у человеческой личности удерживания состояния и решения. Часто мы полагаем, будто наш слух ничего не улавливает, тогда как давно сами же и запечатали себе уши воском.

Существование взаимности между Богом и человеком недоказуемо, как недоказуемо существование Бога. Тот же, кто все-таки отваживается говорить об этом, возвещает свидетельство и призывает свидетельство того, к кому он обращается, свидетельство настоящее или будущее.
Иерусалим, октябрь 1957

ПРИЛОЖЕНИЕ

П.С. Гуревич

Экзистенциализм Бубера

Мартин (Мордехай) Бубер родился в Вене в 1878 году. До 1933 года он жил в Германии, затем эмигрировал в Швейцарию, позже в Палестину. Умер Бубер в 1965 году в Иерусалиме.

Как мыслитель Бубер соединял в себе множество разнородных интересов и устремлений. Он был нетривиальным мудрецом-философом, ярким переводчиком Танаха, исследователем хасидизма - религиозного движения среди евреев Польши и России, возникшего в начале XVIII века, выдающимся просветителем и проповедником, поэтом и литератором. Центральная идея философии Бубера - бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром.

Вершина его наследия - книга "Я и Ты" (1923). Работа написана специфическим языком. Фразы Бубера чеканны, афористичны. Он рассуждает, обращаясь к собственной субъективности, к отзывчивости читателя. Исходная тема "Я" и "Ты", т. е. проблема человеческих отношений, углубляется за счет все более проникающего вживания в мир "другого". Изложение носит характер своеобразной медитации, в ходе которой постигается тайна межчеловеческого общения.

Философия в целом есть постижение человеком себя самого и окружающего мира. Кто такой "Я"? Многие мыслители, в частности А. Шопенгауэр, убеждены в том, что человек способен раскрыть тайну собственного бытия путем предельной обособленности от других, посредством раскрытия присущего ему спонтанного содержания. Ход размышлений Бубера прямо противоположен. По его мнению, я ничего не могу сказать о себе, не соотнеся себя с "другим". Такого рода "участное мышление" преобладает во всех великих системах.

Странно, что в философии, как она складывалась на протяжении веков, нет понятия "другого". Средневековая интуиция в понятии "альтер-эго" отражает лики меня самого, а вовсе не того, кто вступает со мной в общение в качестве суверенной инстанции, незаместимой и значимой для меня личности. Идея абсолютной равнозначности "Я" и "Ты" - это и есть, по существу, открытие Бубера. Разумеется, он не был единственным мыслителем, подошедшим к этому прозрению. Можно назвать также идеи И.-В. Гете или М.М. Бахтина. Однако иерусалимский философ разработал представление о "встрече", "диалоге" с наибольшей обстоятельностью.

Но разве немецкая классическая философия, например, не раскрывает богатейший мир человеческой субъективности? Конечно, раскрывает, но совершенно в другом смысле, чем об этом идет речь у Бубера, ибо "другой" в этой системе, если бы такое понятие фигурировало, это объект, вещь. Субъект в немецкой классической философии всегда тождествен и самодостаточен в своей субъективности, а объект всегда тождествен и самодостаточен в своей объективности. Субъект-объект отношения принципиально исключают равноправность сторон, ибо разум направлен на познание вещи, объекта, чужого мира, зависимого от активной субъективности. Отвлеченно-теоретический мир в принципе чужд пониманию "другого" в его реальной сущности. Разум отвлекается от всего индивидуального, случайного, преходящего. Его интересует не жизнь в ее многообразии, а мир идеи. Вот почему коммуникация двух субъектов в этой традиции, даже если помыслить их суверенность, непременно предполагает нечто дополнительное, безличное вроде "абсолютной идеи", "мирового духа", "Логоса". Этой (монологической) традиции философского познания Бубер противопоставляет другую - диалогическую. Бубер называет три важнейшие сферы, в которых реализуется связь между "Я" и "Ты". Он рассматривает эти отношения как универсальные, значимые не только для живых существ. "Я - Ты-связь" реализуется не только между людьми, она обнаруживается и во встрече с другими существами и вещами. Первая сфера - это жизнь с природой. Здесь отношение доречевое, пульсирующее во тьме. Создания отвечают нам встречным движением, но они не в состоянии нас достичь, и наше "Ты", обращенное к ним, замирает на пороге языка. Вторая сфера - это жизнь с людьми. Здесь отношение очевидно и принимает речевую форму. Мы можем давать и принимать "Ты". Третья сфера общение с духовными сферами. Здесь отношение окутано облаком, но раскрывает себя - безмолвно, но порождает речь. Мы не слышим никакого "Ты", но все же

чувствуем зов, и мы отвечаем, творя образы, думая, действуя. Мы говорим основное слово своим существом, не в силах вымолвить "Ты" своими устами.

Итак, три сферы. Но есть ли здесь существенное различие? Если "Я - Ты-связь" предполагает взаимность, реально охватывающую обоих - "Я" и "Ты", то как можно считать отношение к чему-то в природе такой связью? Бубер формулирует сложность проблемы еще острее: если мы должны предположить, что существа и вещи в природе, которые мы встречаем как наше Ты, тоже отвечают нам взаимностью какого-то рода, то каков характер этой взаимности и что дает нам право распространить на нее фундаментальное понятие "Я-Ты-связь"?

Отвечая на этот вопрос, Бубер предлагает брать природу как целое, рассматривать отдельно различные ее области. Человек когда-то "приручил" животных, и сейчас он способен воспроизводить это своеобразное действие. Он вовлекает животных в свою атмосферу и побуждает их к тому, чтобы они стихийным образом приняли его, "чужого". Он добивается от них активного, иногда поразительного ответа на свое приближение, на свое обращение, иногда тем более мощного и прямого, чем в большей степени его отношение к ним является подлинной "Я-Ты-речью". Но и вне сферы "приручения", подмечает Бубер, иногда имеет место сходный контакт между человеком и животным. Это случается с людьми, которые несут в глубине своего существа потенциальное товарищество с животными. Это, как правило, люди одухотворенные по своей природе.

Совсем иначе обстоит дело с теми областями природы, разъясняет далее свою концепцию Бубер, где отсутствует спонтанность, общая для людей и животных. Растения, например, не реагируют на наши действия, не могут нам "отвечать". Но означает ли это, что мы не встречаем здесь обоюдности? Разумеется, в такой встрече человека и растения нет поступков, позиции отдельной особи. Однако, по мысли Бубера, здесь есть обоюдность самого бытия. Та живая цельность и единство дерева, которая не дается самому острому взгляду исследователя, открывается говорящему "Ты". Но эта цельность дерева только тогда тут, когда тут человек говорящий. Он, говорящий "Ты", побуждает дерево манифестировать свою цельность. И дерево в своем бытии обнаруживает, раскрывает ее. Зашоренность нашего мышления мешает нам понять, что здесь, в бытии, нечто, пробужденное нашим поведением, вспыхивает нам навстречу. Эту обширнейшую, простирающуюся от камней до звезд, область Бубер называет предпорогом, имея в виду нижний ярус бытия.

Что касается сферы духа, то Бубер обозначает ее как надпороговую. Он проводит различие между тем, что от духа уже вошло в мир и, при посредстве наших чувств, стало доступно восприятию, и тем, что еще не вошло в мир, но готово войти и стать для нас Настоящим. То, что вошло в духовную структуру, можно реально ощутить, можно показать. Но в сфере духа есть и такое, что еще не вошло в мир.

Обратимся сначала к тому, что уже воплотилось, вошло в мир. Бубер приводит примеры, иллюстрирующие взаимность между человеком и духовной сущностью. Предположим, человек вызывает в своем воображении какое-то изречение, дошедшее до нас из глубокой древности от одного из учителей. Можно воспринять это изречение в форме непосредственного общения и отклика, не как отвлеченную мудрость, а как сердечное признание, нечто напрямую обращенное ко мне и как бы в присутствии древнего мудреца. Как этого добиться? Важно всем своим существом устремиться к тому, кого уже нет. Это означает, что между живым и умершим рождается позиция, которую Бубер называет "Я-Ты-речью". Если встреча состоится, т. е. живой голос будет услышан, сначала может быть неясно, потом более отчетливо, смысл коммуникации окажется совсем иным. Прежде человек относился к изречению как к объекту, вычленив из него односторонний смысл. Теперь же, в момент живого отклика, живое существо воспримет только неделимую цельность сказанного.

Этот пример не нуждается в особых пояснениях. Ведь изречение принадлежит конкретному человеку. Стало быть, общение не утрачивает межличностного характера. Персональное бытие воздействует в данном случае на другое персонифицированное существо. А вот более сложная иллюстрация. Бубер стоит перед дорической колонной как перед духовной структурой, которую разум и рука человека постигли и воплотили. Исчезает ли здесь взаимность? По мнению Бубера, она лишь снова погружается в сокрытость или трансформируется в конкретное содержание.

Далее Бубер переходит к той сфере духа, которая можете быть расшифрована как пространство контактов с "духовными сущностями". Это область, где возникают слова и формы. Дух, ставший словом, воплотившийся в форму... Каждый, к кому он прикасался и кто не остался глухим к нему, в той или иной степени постигает: такое возникает только из встреч с Другим. Оно не может само по себе зародиться или вырасти, будучи не посеянным в душе человека. Это встреча с духом, который овеивает нас и изливается на нас.

Рассмотрев встречи с природным и духовным, Бубер еще раз возвращается к вопросу: можно ли усмотреть здесь такое же общение, как в мире людей? Иначе говоря, правомерно ли говорить об "ответе" и об обращении применительно к тем сущностям, которые лишены спонтанности и сознания? Не возникает ли здесь опасность мистики?

Отвечая на эти вопросы, Бубер пишет: ясная и прочная структура "Я - Ты-связи" не имеет мистической природы. Чтобы понять ее, мы выходим иногда за рамки наших мыслительных привычек, но не за рамки изначальных норм, определяющих то, как мыслит человек реальность. Как в области природы, так и в области духа - духа, который продолжает жить в слове и в произведении, и духа, который стремится стать словом и произведением, - мы вправе понимать воздействие на нас как воздействие со стороны Сущего.

Следующий вопрос, который проясняет Бубер, уже не о пороге, предпороге и надпороге взаимности, а о ней самой как о вратах в наше бытие. Как обстоит дело с "Я-Ты-связью" между людьми? Может ли она, смеет ли она всегда быть такой? Не подвержена ли она - как и все человеческое - ограничению из-за нашего несовершенства, да и в силу внутренних закономерностей нашей совместной жизни.

По мнению Бубера, первое из этих двух препятствий достаточно известно. "Начиная от твоего собственного взгляда, изо дня в день устремленного в отчужденные, исполненные холодного удивления глаза твоего - тем не менее в тебе нуждающегося - "ближнего", и до печали святых, раз за разом вотще предлагающих великий дар, все говорит тебе, что полная взаимность несвойственна совместной жизни людей. Она - благодать, к которой всегда нужно быть готовым и которую никогда не получают как нечто гарантированное".

Вместе с тем Бубер указывает и на такие виды "Я-Ты-связи", которые по самому своему характеру не могут достичь полной взаимности, если они сохраняют этот характер. Иерусалимский философ ссылается на взаимоотношения между подлинным воспитателем и его питомцем. Чтобы раскрыть потенциал ученика, надо видеть в нем конкретную личность во всем богатстве присущей ей субъективности. Воспитатель усматривает в подопечном не простую сумму качеств, стремлений и сдерживающих факторов. Он воспринимает его в некой цельности. Но для этого важно, чтобы ученик каждый раз оказывался партнером в названной биполярной ситуации. В этом случае учитель переживает охарактеризованную встречу и за себя и за своего партнера.

Однако может ли ученик осуществить ту же самую духовную работу? Способен ли он с предельной восприимчивостью оценивать совместную ситуацию и за воспитателя? По мнению Бубера, прекратится ли в этом случае "Я - Ты-связь" или примет совершенно иной характер дружбы, все равно очевидно, что специфическому отношению воспитания, как таковому, полная взаимность не присуща.

Бубер приводит и другой пример, характеризующий нормативное ограничение взаимности: психотерапевт и его пациент. Врач может анализировать пациента, т. е. извлекать из его микрокосмоса неосознанные факторы и преобразованную таким образом энергию направлять на сознательную жизнедеятельность. Он может, стало быть, достичь определенного восстановительного эффекта. Врач способен помочь тому, чтобы расчлененная, деструктурированная душа в какой-то мере собрала и упорядочила себя.

Но есть иная, более значимая задача - восстановить угасший или зачахнувший личностный центр. В названном случае психиатр с такой задачей не справится. Это сумеет осуществить лишь тот, кто глубоким взглядом целителя схватит подспудное, латентное единство страдающей души. Но здесь нужен другой тип связи. Для того чтобы когерентно способствовать высвобождению и актуализации этого единства в новом согласии личности с миром, пациент должен все время находиться не только в своей роли, но и на другом полюсе этого биполярного отношения. Но возможно ли такое? Лечить, как и воспитывать, может лишь тот, кто живет во встрече и все же обособлен.

По мнению Бубера, наиболее убедительно нормативную ограниченность взаимности можно проиллюстрировать на примере духовника. Здесь охват с противоположной стороны был бы посягательством на сакральную аутентичность мысли. И вот вывод: всякая "Я-Ты-связь" в рамках такого отношения, которое имеет характер целенаправленного воздействия одной стороны на другую, существует на основе взаимности, которой предписано быть неполной.

Здесь Бубер последовательно переходит к изложению религиозных основ своей концепции. Как может "Я-Ты-связь" человека с Богом, условием которой является абсолютный и ничем не отклоняемый поворот к Нему, как может она охватывать все "Я-Ты-отношения" этого человека и как бы нести их с собой к Богу? Философ подчеркивает, что здесь вопрос задан не о Боге, а лишь о нашем отношении к нему.

Бубер полагает, что его философская антропология указывает путь, выводящий за пределы индивидуализма и коллективизма. Здесь обрисовывается третье решение, познание которого должно помочь человеческому роду вновь обрести подлинное "Я" личности и основать подлинную общность. Основным предметом такой науки будет не индивид, не коллектив, а человек во взаимосвязи с другим человеком.

Примечания

[1] Восторги Бубера находятся в вопиющем противоречии с традиционным еврейским отношением к Ешу (Иисусу), которого и сам Бубер считает лжемессией. - Прим. ред.

[2] "Но там, где опасность, там вызревает и спасение" - слова из поэмы Гельдерлина "Патмос". - Прим. ред.

[3] По необычному произношению слова "шиболет" были опознаны воины из колена Эфраима (Судьи 12). - Прим. ред.

[4] Даймон - судьбоносное начало. - Прим. ред.

[5] Valore - величина. Это итальянское слово может также означать: ценность, отвага, пригодность. - Прим. ред.

[6] Устрашающая Тайна. - Прим. ред.

[7] См.: Чхандогья Упанишад, 3.14.4 - Прим. ред.

[8] См.: "Торжество земледелия" Заболоцкого и "Аметистовый перстень" Франса. - Прим. ред.

[9] Ella, Voi, Colui (итал.) - она, ты, некто. Любящий и созерцатель - подразумевается Данте. - Прим. ред.

[10] Макс Шелер. - Прим. ред.

[11] "А уповающие на Господа обновят силу, поднимут крылья, как орлы, побегут и не устанут, пойдут и не утомятся" (Йешайа 40:31). - Прим. ред.

[12] Ich bin der ich bin - попытка перевода имени Божьего. См.: Шемот (Исход) 3:14. - Прим. ред.

[13] Эон - вечность, метакосмическая эра. - Прим. ред.

[14] С Богом. - Прим. ред.

[15] См.: Шемот (Исход) 4:16. - Прим. ред.

[16] У Бубера: lauten heisst umlauten. - Прим. ред.

[17] Теофания - Боговоплощение. - Прим. ред.

[18] Возращение - возвращение к Богу. - Прим. ред.